

VIII.

**Этимологическія различенія коренныхъ гласныхъ
въ глаголахъ.**

1. Г. Гейтлеръ отрицаетъ существованіе усиленій въ Славянскомъ языкѣ: «съ исторической точки зрѣнія—а другой мы не знаемъ—есть только паденіе, а не усиленіе (*stupňovani*) гласныхъ»; если же онъ говоритъ объ усиленіяхъ, то дѣлаетъ это, по его словамъ, лишь потому, что «Славянскія гласныя на своей степени ослабленія» бываютъ «отраженіями прежнихъ усиленій» (Fonol. § 85). Отсюда бы слѣдовало, по-видимому, что настоящія, вполне достойныя этого имени усиленія должны быть отнесены въ недовѣдомую даль временъ, такъ какъ уже и въ Санскритѣ *ê, ô* (гуна отъ *i, u*) суть стяженія сочетаній *ai, au*, слѣдовательно—результатъ паденія звуковъ. На это можно замѣтить, что несправедливо видѣть разрушеніе вездѣ, кромѣ акта зарожденія явленій, болѣею частью недоступнаго наблюденію. Теорія, относившая творчество въ языкѣ къ доисторическимъ временамъ, страдала именно тѣмъ, что немогла объяснить, какъ языкъ можетъ преуспѣвать, какъ органъ мысли, подлежа въ историческія времена лишь дѣйствию разрушительныхъ силъ, обращенныхъ даже не на одно тѣло языка—звукъ, что со спиритуалистической точки зрѣнія было бы еще понятно, но на его душу: грамматическій строй. Нынѣ эта теорія найдетъ мало сознательныхъ послѣдователей. Это вообще, а въ частности: какъ, если не усиленіями, назовемъ мы спеціально-славянскія усложненія коренной гласной, которыя, будучи отличны отъ гуны и вриадги по способу возникновенія, что я надѣюсь показать, служатъ грамматическимъ цѣлямъ? Что такое, если не усиленіе, напр. *zi*

въ *надымати* по отношенію къ *з* въ *дѣмж*? *);

Подъ этимологическими измѣненіями гласной корня мы разумѣемъ такія, которыя должны разсматриваться лишь въ связи съ грамматическимъ содержаніемъ тѣхъ формъ, въ коихъ встрѣчаются. Разсматривая ихъ съ чисто-фонетической точки зрѣнія, мы, во-первыхъ, лишаемъ себя важнаго подспорья для опредѣленія ихъ исторической послѣдовательности, представляемаго намъ значеніемъ формъ; между тѣмъ убѣдившись, напр. что такое явленіе синтаксиса, какъ степени длительности, относится къ такому-то періоду, мы отсюда можемъ заключить съ нѣкоторою вѣроятностью, что и измѣненія коренной гласной, сопровождающія только степени длительности, относятся къ тому же періоду. Во-вторыхъ, съ чисто фонетической точки даже вовсе неразлично понятіе этимологическаго измѣненія гласной, въ частности—усиленія. Такъ, если въ *ој* глагола *поитъ* (т. е. *пој-и-ти*) мы увидимъ усиленіе только въ смыслѣ нѣкотораго нарощенія звука *и*, находямаго въ *ни-ти*, то ничто непомѣняетъ намъ отнести къ той же категоріи всякія усложненія коренной гласной, хотя бы они происходили отъ завѣдомо-меха-

*) Если бы кто и держался мнѣнія, что гуны, въ смыслѣ усложненія основной гласной предположеніемъ ей звука *а*, никогда небыло и что отношеніе *ар: ѣ* вполне равно отношеніямъ *ау: у*, *аі: і*, что, какъ *дѣар-ѣ-ми*, держу, есть основная форма по отношенію къ *дѣѣ-ті* (прич. пр. страд.), такъ и *срав-ѣ-ми*, теку, *нѣѣ-ѣ-ми*, веду, не усиленія по отношенію къ прич. страд. тѣхъ же глаголовъ *сру-та*, *нѣ-та*, но на оборотъ послѣднія формы по кореннымъ гласнымъ суть ослабленія первыхъ (Leo Meyer, Ueber vocalsteigerung, Z. f. V. Spr. XXI, 343); если бы, говорю, кто и держался такого мнѣнія, то ему слѣдовало бы трижды подумать: слѣдуетъ ли изъ этого, что и *з* въ *надымати* есть звукъ болѣе первообразный, чѣмъ *з* въ *дѣмж*? Впрочемъ вышеупомянутое мнѣніе Мейера неможетъ считаться доказаннымъ, и я считаю возможнымъ, пока судъ да дѣло, остаться при старой терминологіи т. е. напр. говорить, что *ау* есть гуна звука *у*.

ническихъ причинъ: отъ вліянія ударенія, отъ позиціи, отъ качества слога, т. е. его прямого или обратности, отъ качества слѣдующей согласной, отъ ея опущенія. На оборотъ, если принять *ни* за ослабленіе дифтонга *ai* (= *oj* въ *поити*), то съ фонетической точки одно-роднымъ съ этимъ окажется и *Mr. i* (*vil*), происшедшее изъ дифтонга. Такое обобщеніе неблагопріятно анализу. Нѣкоторыя усложненія гласной подлежатъ вѣдѣнію одной фонетики, потому что неимѣли и неимѣютъ никакой частной функціи, никакого видимаго отношенія къ отдѣльнымъ формамъ, въ коихъ встрѣчаются, и знаменательны лишь по отношенію къ очень общимъ, трудно-опредѣлимымъ цѣлямъ языка. Такъ напр. для формальнаго и лексическаго значенія слова *волъ* безразлично качество стоящей въ немъ гласной или дwoегласной: *о*, *уо*, *уэ*, *у*, *и*, *і*, *оа*, по нарѣчіямъ. *) Не таково *oj* въ *поить*. Весьма возможно, что и усиленія, подобныя этому, произошли отъ причинъ, подобныхъ упомянутымъ выше, напр. отъ ударенія, въ свою очередь условленнаго не тѣмъ, или другимъ значеніемъ слова, а лишь удобствомъ его произношенія; что и они никогда неимѣли непосредственной изобразительности. Однако съ другой стороны вѣрно, что съ давнихъ поръ эти усиленія уже независимы отъ механическихъ причинъ. Возможно, что языкъ для различенія значеній воспользовался здѣсь звуковымъ явленіемъ, нѣкогда бессмысленнымъ, чему можно найти и другіе примѣры. Такъ, хотя вѣроятно, что именныя *те* и *у* нѣкогда различались по значенію, но ихъ различіе исчезло за долго до того, когда нѣкоторыя славянскія нарѣчія вновь придали знаменательность двоякимъ

*) Этимъ вовсе неутверждается, что слово, измѣняющееся по нарѣчіямъ, остается однимъ словомъ, тождественнымъ по значенію, а признается лишь такая отдаленность связи звука и значенія, которая называется случайностью. Случайно напр. то, что стихъ поэта въ родѣ Лермонтова или Тютчева, произнесенный на областной ладъ, покажется намъ народіею.

падежамъ, какъ *духа* и *духу*, въ *духъ* и на *духу*, въ *духу*.

Выдѣляя понятіе обѣ этимологическихъ измѣненій коренной гласной, мы неприписываемъ частной знаменательности всѣмъ такимъ измѣненіямъ во всѣ періоды ихъ существованія, а говоримъ только: это тѣ измѣненія, которыя переходятъ къ знаменательности, при чемъ остается открытымъ вопросомъ, которыя изъ нихъ, получивши знаменательность, сохраняютъ ее; которыя ее имѣли, но потеряли; которыя, наконецъ, будучи по звуковому составу тождественны или однородны съ первыми двумя, потеряли, подобно имъ связь со своими механическими причинами, но непріобрѣли знаменательности. Это равносильно признанію, что понятіе обѣ этимологическомъ измѣненіи довольно неопредѣленно, носить на себѣ явные слѣды недостаточности нашихъ знаній; но это понятіе есть попытка ради временнаго удобства ограничить кругъ изслѣдованія. Хуже было бы все валить въ кучу.

Этимологическое измѣненіе гласныхъ предполагаетъ одновременное существованіе въ сродныхъ словахъ а) или основной гласной и ея усложненія (усиленія, поднятія); б) или основной гласной (которая могла замѣниться и другою, ей равносильною), имѣющей при себѣ съ одной стороны ослабленіе, съ другой усиленіе; в) или, наконецъ основной гласной, являющейся усиленіемъ по отношенію къ одновременному съ нею ослабленію, какъ напр. въ Санскр., гдѣ, какъ принято думать, *ар-*, будучи основнымъ, играетъ по отношенію ко своему ослабленію *ṛ* ту же роль, какую гуна отъ *и*, *у* (*ē*=*ai*, *ō*=*au*), по отношенію къ основнымъ звукамъ *и*, *у*. Невниманіе къ этому послѣднему случаю ведетъ къ заблужденіямъ, въ родѣ слѣдующаго мнѣнія: «Въ половинѣ, даже въ большей части Латышскихъ глаголовъ съ характеромъ=*aja* въ настоящемъ и съ характеромъ *a* въ неопредѣленномъ, сохранилась первоначальная коренная гласная перѣдко даже въ болѣе чистомъ видѣ чѣмъ въ соответственныхъ глаголахъ односложныхъ, такъ называемыхъ, первообразныхъ, напр.

waddát, водить, при west, вести, walkát, волочить, при wilkt, волочь. Отсюда можно заключить, что эти frequentativa должны быть образованы прямо отъ корня и собственно немогутъ считаться производными» (Bielenstein, Lettische Spr. I, 381). Изъ состоянія коренной гласной въ такихъ глаголахъ, какъ waddat, слѣдуетъ отнюдь не то, что они первообразны наравнѣ съ west, а лишь то, что они образованы отъ этихъ, или имъ подобныхъ первообразныхъ, когда въ послѣднихъ еще небыло того ослабленія коренной гласной, какое въ нихъ теперь. Прямой преемникъ основнаго *a*, корня *waġh* есть *e* въ Латыш. *wezt*, везти; удержаніе *a* въ *wazát*, возить, потребовало нѣкотораго сопротивленія механическимъ стремленіямъ рѣчи, такъ называемому паденію звуковъ, и въ этомъ смыслѣ есть усиленіе. Какъ скоро возникло стремленіе различать извѣстные формальные оттѣнки посредствомъ символизма гласныхъ, то болѣе-менѣе все равно, станетъ ли усиленная гласная при основной, напр. *ê* при *и*, или основная сама, или въ видѣ своей замѣны—при ослабленной, напр. *ar* при *р*, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ разстояніе между гласными двухъ видовъ корня (напр. —*ваид* и *вид*, *мар-* и *мр*) остается тоже.

Символичность этимологическихъ измѣненій гласныхъ не есть нѣчто непосредственное. Измѣненія эти вовсе не безусловно необходимы для выраженія извѣстныхъ грамматическихъ категорій и болѣею частью лишь сопровождаютъ другія обозначенія этихъ категорій. Такъ глаголы причинные въ Литовско-латыш. и Славянскомъ могутъ имѣть усиленіе, но могутъ по гласной корня и неотличаться отъ глаголовъ первообразныхъ, имѣющихъ ослабленіе, напр. Лит. *wirdinti* и *wirinti*, причин. при *wirti*, кипѣть. Бываютъ даже случаи, когда обычное значеніе усиленія прямо извращается, напр. когда въ Скр. причинность отбѣняется удержаніемъ основной гласной при усиленіи въ глаголъ не причинномъ, какъ *тамаја-*, *ухаге* (Сл. томч-) при *тѣмја*, *confici* *moerore*, *languescere*.

Разсматриваемыя здѣсь усиленія коренной гласной въ Славянскомъ дѣлятся по способу и времени образованія на два разряда: а) на древнѣйшія, соотвѣтствующія Санскритской гунѣ, а быть можетъ и вридги, и состоящія (кромѣ *ар*) въ постановкѣ *а* передъ усиленной гласной и б) на усиленія позднѣйшія, не находящія никакого соотвѣтствія въ Санскритѣ, о способѣ образованія коихъ см. ниже. Первыя раздѣлимъ тоже на два отдѣла, изъ коихъ въ первомъ древнѣйшемъ знаменательность усиленій проблематична, въ другомъ—несомнѣнна. Начнемъ съ перваго отдѣла.

2. А. Изъ глаголовъ, составляющихъ въ Скр. 2-й кл., въ Славянскомъ остался одинъ съ явственною гупою, именно *вѣмъ* (изъ *ваид-ми*, кор. *вид*), но въ немъ, въ отличие отъ Санскрита, усиленіе не зависитъ отъ вѣса окончаній (какъ въ Скр. *вѣдми*, *вид-мас*), но распространилось на всѣ формы спряженія и стало быть въ самомъ спряженіи лишилось знаменательности, если ее когда либо имѣло. Послѣ этого знаменательность усиленія можетъ здѣсь состоять лишь въ различеніи формъ *вѣд* и *вид* по вещественному ихъ значенію: знать и видѣть.

Б. Гуна распознается въ глаголахъ съ корнями на *у*, *и*, съ характеромъ *е* (=Скр. *а* въ глаг. 1-го кл.) въ первой темѣ (т. е. темѣ настоящаго въ Слав. и специальныхъ временъ въ Санскритѣ) и безъ характера во 2-й темѣ (темѣ неопред. въ Слав.): *плов-е-тъ* (Скр. *плав-а-тѣ*) *плу-ти*, *рев-е-тъ* (Скр. *рав-а-тѣ*) *рю-ти*, *лѣ-ѣ-тъ* (Скр. *ли*, *liquefacere*, *лаѣ-а-ти*) *лѣ-ти*, *лѣ-ѣ-ши* («изгнѣть», Лавр. Л. 35) *лѣ-ти*. Въ *лѣ-ши*, *лѣ-ѣ-ши* *ѣ* не принадлежитъ ко глагольному характеру, но есть лишь необходимая эвфоническая вставка между конечною гласною корня и характерною гласною. Быть можетъ уже въ дославянское время нечувствовалось надобности удерживать различіе въ строеніи кореннаго слога двухъ темъ, какъ *лѣ-ѣ-ши*—*ли-ти*. Отъ

глаголовъ этого образца замѣчается движеніе къ глаголамъ частью образца *смѣиши—смѣ-ти*, частью образца *лѣиши—лѣти*. Въ первыхъ усиленіе корня первой темы (Скр. *смáj-a-tě*) перешло и во вторую, *) какъ въ Литовскомъ *lėju, lėti*, лить. Во вторыхъ въ той и другой темѣ исчезло усиленіе. Причина сохраненія *ой*—основ. *аи* (=гунѣ отъ *и*) въ *пој е ши—нѣ ти*, рядомъ съ превращеніемъ основнаго *аи* въ *ѣ* въ *смѣиши—смѣти* можетъ заключаться въ томъ, что нѣкогда чувствовалось различіе въ строеніи этихъ глаголовъ: послѣдній, быть можетъ, слѣдуетъ дѣлать такъ: *смѣ-је-ши*, относя въ немъ *ј* къ глагольному характеру и признавая, что этотъ глаголъ перешелъ изъ класса=Скр. 1-му въ классъ съ характеромъ *је*=Скр. *ја* 4-го класса.

Съ Литовскимъ *lėju—lėti* построень весьма сходно Лит. *krauju—krauti*, а послѣдній весьма близокъ ко сходному съ нимъ по значенію *крыж—крыти*. Взявши во вниманіе вышеупомянутый переходъ формъ *лѣж—лѣти* въ *лѣж—лѣти* и весьма вѣроятный аналогичный съ нимъ переходъ отъ *кровж—крыти*, *ковж—кути* ко *крыж—крыти*, *куж—кути*, (Поль. *kuć*, форма болѣе древняя, чѣмъ *ковати*), можно прийти къ догадкѣ: не есть-ли разница между Литовскимъ *krauju—krauti*, *kauju—kauti*, *mauju—mauti* и слав. *крыж*, *куж*, *мыж* лишь позднѣйшая и не возникли-ли *ж* и *у* въ Славянскомъ изъ дифтонга? Не есть-ли стало быть разница въ строеніи темъ глаголовъ, какъ *плов-ж—плу-ти* съ одной стороны и единственнаго въ своемъ родѣ глагола *пож* (т. е. *пој-ж*)—*нѣти* съ другой лишь позднѣйшая? Если бы это было такъ, т. е. если бы *плу-ти* возникло изъ *плау ти*, то о знаменательности различія между *плов-ж* въ *плов-еши* и *плу-* въ *плути* въ славянское время не могло бы быть и рѣчи; но утверждать этого я не могу, такъ какъ не считаю несомнѣннымъ что славян-

*) *Смѣиши—смѣти* и *смѣ-іе-ши-ся—смѣ-іа-ти-ся* несомнѣнно одного происхожденія, причемъ 2-й глаголъ, болѣе новый по формѣ, сохранилъ болѣе древнее значеніе.

ское *y* (изображаемое посредством *ou*) можетъ быть равно не первоначальному *y*, а лишь его усиленію.

В. Гуна видна и въ *зов-е-ши* (кор. *zhu* или *gu*, скр. *hy*), глаголѣ тождественномъ по первой темѣ съ *плов-е-ши*, но во второй темѣ превращающемъ чистую коренную гласную въ глухую и затѣмъ опускающемъ ее и принимающемъ характеръ *a*: *зв-а-ти*—*зва-ти*.

Судя потому, что въ Санскритѣ удержаніе основнаго *ар* равносильно усиленію основныхъ *и*, *у* въ *аи*, *ау*, можно бы думать что Слав. *ер* (=Скр. *ар*), а въ *бер-е-ть* (скр. *hár-a ти*, изъ *bhar a-ти*), *сер-е-ть* (скр. *sár-a-ти*, течеть), *дер-е-ть*, *пер-е-ть* имѣло характеръ усиленія. Однако замѣтимъ слѣдующее. Вторая тема этихъ глаголовъ (*брати*, *срати*, *драти*, *прати*), равно какъ и вторая тема глаголовъ отличныхъ отъ названныхъ по темѣ настоящаго (*стел-іе-ть*, *съл-іе-ть*), именно *стлати*, *сла-ти*,—позднѣйшаго, спеціально славянскаго происхожденія, какъ и *звати*. Написаніе *брати*, *избрати* и т. п. и тождество этихъ формъ въ Ст.-Слав. и Русскомъ показываетъ, что въ *стла*, *бра* и проч. мы имѣемъ не усиленіе корня, и не формы равныя относительно усиленія съ санскритскими инфинитивами *стат-тум*, *сар-тум*, *бхар-тум*, какъ думалъ Миклошичъ (Vergl. Gr. I, 141), ибо въ такомъ случаѣ въ Русскомъ было бы *столоти*, *бороти*, *дороти*, или *дерети*, а сочетанія позднѣйшаго вида корня съ характеромъ *a*: *стл-а-ти*, *бр-а-ти*, *пър-а-ти*, какъ *зв-а-ти*. Сравнивая *прати* съ Лиг. *per-ti*, принимаю послѣднюю форму за первообразъ первой не во всѣхъ отношеніяхъ (не относительно происхожденія *ъ* изъ *e*), а въ томъ, что и въ Славянскомъ или дославянскомъ нѣкогда здѣсь стояла во 2 й темѣ таже гласная, что и въ 1-й, при чемъ первая тема не могла казаться усиленною.

Слѣдующіе глаголы отличаются отъ *зовж*—*зв-а-ти*, *берж*—*бр-а-ти* лишь присутствіемъ глухаго звука въ корнѣ обѣихъ темъ: *ргж*—*р-в-а-ти*, *лзг*—*лзг-а-ти*, *сгсж*—*сгс-а-ти*, *тгкж*—*тгк-а-ти*, *жсдж*—*жсд-а-ти*, Врусс. *вру*—*вратъ* (въръ), *жру*—*жратъ* (жър), Новгор.

запру—запрать (=зепереть). Ничто не даетъ повода искать въ нихъ усиленія. Напротивъ, своимъ формальнымъ равенствомъ съ *беру—брати* они заставляютъ думать, что въ послѣднемъ различіе въ коренной гласной двухъ темъ небыло знаменательно.

Г. Сравнительно съ *беру—брати* и *жеру—жрати* слѣдующіе глаголы съ корнями на *р* очевидно болѣе первообразны, по отсутствію во второй темѣ характернаго — *а*, влекущему за собою большую устойчивость замѣны кореннаго гласнаго звука передъ суффиксами начинающимися съ согласныхъ: *Мр. деру—дѣрти* (т. е. *дѣр-ти*: «ноги задерла»), *мру—мерти* (=мѣрти) и по послѣднему образцу въ обѣихъ темахъ—*перти* (поднимать и пр.), *перти* (спорить, тягаться спорить: «тебе непереперти», Гулакъ), *жерти* («земля пожерла»), *терти*, Галиц. *нерти* («попѣръ»); Врусс. а частью, быть можетъ, обще-русскіе, съ особымъ видоизмѣненіемъ гласнаго и плавнаго элементовъ корня (*ере*=Ст.-Слав. *ръ*), *мере-ть*, *пере-ть*, *завере-ть* (напр. лапоть, починить), *тереть*, *простереть*=*мръ-ти* и пр. *нръ-ти*, *скеръ-ти*. Врядли можно сомнѣваться, что формы какъ *мру*=*мѣрж*, равно какъ соотвѣтственные литовскія, какъ *weğı* и *gėgi*, предполагаютъ формы съ основнымъ *ар* (=мар-â ми и т. п.), которое въ Санскритѣ стало равносильно съ гуною отъ *и*, *у*. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ въ то время, когда въ дославянскомъ языкѣ *мѣрж* имѣло въ корнѣ чистое *а*, въ этомъ языкѣ немогло быть ослабленій *ар*, вродѣ славянскихъ *зр*, *ър*, или литовскаго *ig*, или санскритскаго *ṛ* (*bṛtā* при *bhāрати*); то и основное *ар* никогда въ этомъ языкѣ нечувствовалось какъ усиленіе. Подобно этому въ глаголахъ съ основныхъ *а* при согласныхъ кромѣ плавныхъ (*вез-е-ть*=Скр. *vāh a ти*, *вести*) это *а* (=позднѣйшему *е*) немогло считаться усиленіемъ при отсутствіи ослабленной формы корня, какая появилась лишь въ Санскритѣ. При этомъ остается вопросомъ, что произвело звуковое различіе между *мѣрж*=*марâми* и *берж*=*bhārâми*?

Спрашивается, въ какомъ отношеніи находятся фор-

мы, какъ *мръти* = *мереть*, къ формамъ *мърти* и *мърж* и, что на тоже выйдетъ, въ какомъ отношеніи въ корняхъ на иѣмую согласную съ р, л внутри находятся старо-славянскія формы *врѣшти*, *мльшти* къ *врѣж*, *мльжж*? При этомъ можно устранить вопросъ о томъ, происходитъ-ли *мръти* изъ *мерети*, и ограничиться признаніемъ факта, что обѣ формы, равнозильныя между собою, въ концѣ концовъ произошли изъ одной формы, что въ обѣихъ мы имѣемъ только видоизмѣненія корня и суффиксъ неопред. наклон. и что, стало быть, мнѣніе о вставочности ѣ и согласное съ нимъ дѣленіе мрѣ-ти (Schleich Formenl 298—300) ошибочно.

Въ своей статьѣ о полногласіи (Два изслѣд. 35—6) я съ одной стороны признавалъ, что въ основаніи формъ *мръти* и *мльти* лежатъ формы съ *ар*, *ал*, но съ другой смотрѣлъ на *ръ*—*ль* какъ на усиленія по отношенію къ *рз* (рѣ) *лз* и на знаменательныя ослабленія основнаго сочетанія по отношенію къ усиленіямъ *ра*, *ла*, (герс. *оро*, *оло*). При этомъ мнѣ можно было сослаться на Миклошика V. Gr. III, §§ 176—7, 180, а также I, стр. 141, гдѣ впрочемъ неудачна попытка объяснять *ръ* различно, смотря по залогу глагола: какъ усиленіе коренной гласной въ глаголахъ дѣйствительныхъ (*врѣни*, *жрѣти*) и какъ слѣдствіе характера ја (скр. 4 го класса и глаг. страдат.) въ среднихъ (*мръти*). Теперь я, хотя и немогу подписаться подъ выраженіемъ Гейтлера, что разница между темою неопред. (мрѣти) и настоящ. (*мърж*) только кажущаяся, и подъ мнѣніемъ, что «краткость гласной темы неопредѣленнаго наклоненія есть требованіе сравнительнаго метода» (Fonol. § 67 въ нач.) и скорѣе готовъ думать, что это требованіе только самаго Гейтлера, который ссылается на краткость *i* въ Лит. *mirti*, по умалчиваетъ о долготѣ *é* въ *géra*, *gérti*; однако согласенъ съ нимъ, что *мръти*, *мльсти* не суть усиленія при *мърж*, *мльжж* (Fon. 89—2) и считаю нужнымъ такъ изъяснить свое прежнее мнѣніе: формы съ *ръ*, *ль* (какъ *мръти*, *врѣти*, такъ *мльшти*, *тльшти*) по отношенію ко всѣмъ извѣстнымъ намъ категоріямъ

означаютъ рѣшительно тоже, что и параллельныя имъ формы съ глухимъ при *р*, *л* (*мърти*, *пърти* = *Мр.* *мерти*, *перти*, Поль. област. *paг-ѳ*). Невидно ни одного случая, въ которомъ бы можно было отнести форму съ *ръ*, *ль* (*ере*, *еле*) къ категоріи знаменательнаго усиленія. Поэтому слѣдуетъ думать, что *мърти* и *мръти* этимологически равносильны какъ замѣны одной и той же основной формы, которая въ Славянскомъ никогда не имѣла характера знаменательнаго усиленія. Безъ сомнѣнія эти замѣны возникли подъ вліяніемъ различныхъ звуковыхъ стремленій, но какихъ именно, въ этомъ вопросѣ. Въ глаголахъ съ корнемъ на *р* (*мръти* — *мереть*) фонетическія условія неопредѣленнаго наклоненія, или, если угодно, именной формы, лежащей въ основаніи его, по вѣдомому, особенно благоприятны появленію *ръ*. По крайней мѣрѣ о Русскомъ языкѣ можно сказать, что въ немъ *ере* = *ръ* держится исключительно этой формы. Въ Врусс. отъ этихъ глаголовъ никогда необразуется прич. прошед. времени страд. иначе, какъ по образцу *запертъ* (т. е. *пъртъ*) и никогда *заперетъ* (=запъртъ); дѣеприч. прошед. времени вообще предполагаютъ прич. съ суф. — *ъ*, *вши* (запър-тъ, запъръши), а не съ — *въ*, *-вши*, и лишь какъ рѣдкость «*заперевъ*» (никогда — *заперевши*). Тоже и прич. на *л* (*умърль* и т. п.). Мнѣ кажется, что въ старинныхъ памятникахъ русскаго происхожденія въ отличіе отъ задунайскихъ, мы найдемъ и аористы только въ родѣ *запроша* (Лавров. 24), *задроша* (Новг. I, 64; отъ *дърти* или *дерети*, а не отъ *дѣрти*, откуда *одѣраша* *ib.* 29), *умертъ* (аор. 3 ед.) *Ип.* 172, а не *запереша*, *умере*. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, кромѣ аориста (гдѣ при *отпроша* стоитъ *умръша*, *Mikl. V. gr. III § 177*), древніе старославянскіе памятники согласны съ русскими: форма *простръль* (*ib.* § 180) весьма поздняя; формы *жръль*, которую I. с. усмотрѣлъ Гейтлеръ (§ 68), тамъ вовсе нѣтъ; форма *стрптъ* (прич. стр.), говоритъ Гейтлеръ, «была бы тоже возможна» (*ib.* § 68), однако ея нѣтъ. Если взять во вниманіе столь явственное въ Нижне-Дуж. стремле-

ніе уподоблять въ этихъ глаголахъ всѣ формы, неисключая настоящаго, темѣ неопредѣленнаго (mǝjū и проч. Mikl. V. Gr. III § 1036), стремленіе отчасти существующее въ другихъ глаголахъ и въ В.-Луж. (proju, kǝju отъ proē ib. § 950) и въ Поль. (prǝje—prǝē), то становится вѣроятнымъ, что Чеш. umřel, zavřel суть позднѣйшія слѣдствія того-же стремленія къ ассимиляціи.

Нѣчто подобное замѣчается и въ Ст.-Слав. глаголахъ съ *рѣ*, *лѣ* въ корнѣ на нѣмую согласную. Правда, здѣсь форма *стрѣ* является во всемъ спряженіи; *влѣ* только въ причастіяхъ 2-й темы и аористѣ при *влѣ*к, между тѣмъ какъ послѣдняя фор. исключительно въ неопр. накл., настоящемъ, повелит. и прич. настоящихъ. Но въ остальныхъ глаголахъ этого рода *лѣ*, *рѣ* держится или одного неопредѣленнаго съ достигательнымъ (*млѣ*шти—*млѣ*ж, *врѣ*шти—*врѣ*ж, *врѣ*шти *врѣ*ж), или неопред. и аориста (*врѣ*сти, *врѣ*ж) (Mikl. V. Gr. §§ 139, 141, 150).

Д. Особый немногочисленный разрядъ составляютъ глаголы съ корнями на *р*, *л*, съ характеромъ *те*=скр. ја (Скр. 4 клас.) въ первой темѣ и безъ характера во 2-й: *мел-те-ши*—*млѣ*ти (молоть), *кол-те-ши*—*клѣ*ти (колоть), *пол-те-ши*—*плѣ*ти (полооть), *бор-те-ши*—*брѣ*ти (бороть), *пор-те-ши*—*прѣ*ти (пороть).

Миклоновичъ, а за нимъ Шлейхеръ относятъ *млѣ*ти къ одному разряду съ *мрѣ*ти, чему однако противорѣчить различіе первой темы, а *клѣ*ти, *брѣ*ти, *прѣ*ти—къ одному разряду со *стѣ*л-ати, *пис*-ати, съ чѣмъ не совмѣстимо отсутствіе въ *клѣ*ти характернаго *а*, доказываемое формами какъ *коло-ти*.

Если бы брать во вниманіе только наиболѣе подходящія сюда литовско-латышскія формы: *mālū*, *mālti* (Лат. *maliu* (1 небное) *malt*), *kālū*, *kālti* (Лат. *kaliu kalt*), *bāru*—*bārti* (браниль), то слѣдовало бы во всѣхъ вышеприведенныхъ формахъ видѣть только усиленія. Однако формы *млѣ*ти, *плѣ*ти, Поль. *plęć*, равны формамъ *мрѣ*ти, а *мелѣ*ж и Поль. *pieć*, относительно *ел*=*берж*. Сходство съ *мрѣ*ти увеличивается тѣмъ, что оба разсматриваемые глагола (*млѣ*ти, *плѣ*ти) въ причастіяхъ

обнаруживаютъ форму корня съ *ъ*, *з*: ажито своима ру-
кама *измѣлѣ* (прич. прош.), Жит. Θεод. XII в. (Чт.
1858, III, 1 об., тоже 9 об.), Поль. *mieł* (=мѣлѣ)
miełła, *mełty*, *mełcie*, *pieł*, *pełty*.

Такъ какъ *мелѣ*—*мѣлти* формально неотличается
отъ *колѣж*—*клати*, *борѣж*—*брати*, *порѣж*—*прати*, то
возникаетъ вопросъ: не имѣемъ ли мы въ послѣднихъ
глаголахъ лишь замѣны основной формы, неполучившей
смысла знаменательнаго усиленія? Мы имѣемъ формы съ
ол и *ла*=*оло*, *ор*—*ра* (*оро*), въ коихъ признаемъ дѣй-
ствительныя усиленія, но въ тоже время знаемъ, что эти
усиленія стали таковыми не въ силу новой прибавки,
(какъ *ау*, *аи* изъ *у*, *а*), а только въ силу пониженія
другихъ подобныхъ формъ. Не возможно ли, что въ из-
вѣстныхъ случаяхъ такого пониженія на славянской поч-
вѣ небыло, такъ что тамъ, гдѣ мы ожидаемъ встрѣтить
ослабленную форму, мы встрѣчаемъ основную въ томъ
самомъ видѣ, въ какомъ она является въ несомнѣнныхъ
усиленіяхъ? Я полагаю, что есть случаи, въ томъ числѣ
упомянутые глаголы, на которые слѣдуетъ смотрѣть имен-
но такимъ образомъ. Когда Гейтлеръ говоритъ, что
слав. *влак*—*волок*, или *младѣ* (=скр. *мрду-с*) немо-
жетъ быть слѣдствіемъ усиленія, точнѣе гунировки (*stup-*
ňovanj), то въ доказательство онъ приводитъ свое же
утвержденіе, что дославянское *вѣлк* невозможно, что
стало быть основная форма есть *вѣлк* (§ 89—2). Но,
согласно съ вышесказаннымъ, это не доказательство. И
признавши *мѣлд*, *мѣрд* за основную форму корня въ
младѣ, я все таки остаюсь при вопросѣ: было-ли при-
дано этой формѣ значеніе усиленія? Отрицательный от-
вѣтъ на это можетъ быть основанъ не на звуковой фор-
мѣ слова, а на томъ, что невидно здѣсь цѣли усиленія,
его знаменательности. Санскритъ даетъ здѣсь форму съ
ослабленіемъ: *мрду-с*. Кажется и въ самомъ Славянскомъ
слѣдуетъ сюда прибавить семейство словъ со сходнымъ
значеніемъ, но съ *лѣ*=*еле* въ корнѣ, именно слѣдую-
щее: скр. *мрду с*—не только мягкій, пѣжный, слабый,
но (Vorr. Gloss.) и медленный, на чемъ, кромѣ звуковъ,

основано его общепризнанное сближеніе съ греч. βραδύς, медленный (Боннъ, Curt. Grundz. № 255). Съ этимъ сравнимъ а) Врусс. *меледа́*, мѣшкотное дѣло, длительная забава, и въ послѣднемъ смыслѣ—кедровые орѣшки, коими забавляются въ бесѣдѣ, *меледи́ть*, медлить, мѣшкать, заниматься пустяками; б) Хорутанское *mleden*, слабый, безсильный, Серб. *мледац*, худошавый. *Мльд-* и *мльд-* здѣсь не только возводятся къ основной формѣ *мърд*, *conterere*, но кажутся этимологически равносильными. Этимъ я нехочу сказать, чтобы въ литовскихъ словахъ того же корня *мард* (относительно значенія коихъ ср. *молить*, собств. умягчать, Скр. *мар-мрнати* растирать), какъ *malda*, просьба, молитва, ал небыло усиленіемъ по отношенію къ *meldziu*, *melsti*, молить, просить. Въ послѣднемъ случаѣ, можетъ быть, звуковая разница и осмыслена. Я думаю только, что во многихъ другихъ случаяхъ слав. *ра*, *м* и русс. *оро*, *оло* не суть знаменательныя усиленія, къ чему будемъ имѣть еще случай воротиться.

3. Изъ древнѣйшихъ усиленій (соотвѣтствующихъ гуиѣ и вридги) тѣ, которыя имѣютъ мѣсто въ болѣе позднихъ формаціяхъ языка, вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе ясны по значенію. Въ глаголахъ они встрѣчаются въ двухъ славянскихъ разрядахъ, соотвѣтствующихъ Сакс-итскимъ X кл. (куда по характеру 1-й темы *-aja-* относятся и причинные и отыменные), именно въ глаголахъ $\frac{и}{и}$ (*и-ши*, *и-ти* в. *и-ти*, а послѣ шипящихъ *-а-ти*) и $\frac{и}{и}$ (*и-ши*, *и-ти*), при чемъ огромное большинство глаголовъ со знаменательнымъ усиленіемъ сосредоточено въ послѣднемъ разрядѣ. Первый разрядъ ($\frac{и}{и}$ -*а*), хотя и заключаетъ въ себѣ глаголы съ усиленіемъ (какъ **богати*, *боиши* т. е. *bhaj-aja-si*, причинный глаголъ со значеніемъ заставлять бояться, отъ потеряннаго въ Слав. средняго съ корнемъ *бхи*; среднее значеніе *богатися* зависить отъ возвратнаго мѣстоименія), но столь немногіе, что въ общемъ этотъ разрядъ прямо противо-

полагается разряду II по значенію и строенію корней. Въ разрядѣ II и соответствующихъ ему разрядахъ въ Литовскомъ и Латышскомъ глаголы съ усиленіемъ корня суть или отъименные, въ коихъ усиленіе стоять потому, что находилось уже въ имени (напр. *роитъ* отъ *рой*, кор. *ри*), или отглагольные. Обыкновенно при глаголѣ II съ усиленіемъ стоять имя съ такимъ-же усиленіемъ, но ошибочно думать, что во всѣхъ случаяхъ имя служить посредникомъ между первообразнымъ глаголомъ и производнымъ (Mikl. V. Gr. I, 134; IV 273). Вѣроятно такъ было нѣкогда, но въ историческое время языкъ дѣлаетъ различіе между глаголами отъименными и фактивными (дѣлать самому то, что означено именемъ) и причинными (быть причиною того, чтобы другое лицо совершало дѣйствіе, означенное первообразнымъ глаголомъ, какъ *поитъ* при *пить*). Между этими глаголами однако все-таки больше сходства, чѣмъ между первыми изъ нихъ и глаголами не причинными, а болѣе длительными, какъ *возитъ*, которые рѣшительно не нуждаются въ посредствѣ имени (*возз*) для того, чтобы примкнуть къ первообразному глаголу, какъ *везти*.

Глаголы отглагольные II по значенію распадаются въ Слав. на причинные и болѣе длительные. Категория причинности свойственна глаголамъ соответственныхъ разрядовъ не только въ Латышско-Литовскомъ, но и въ Санскритскомъ и другихъ индоевропейскихъ, а потому по происхожденію должна быть отнесена къ болѣе древнему времени, чѣмъ степени длительности. Славянскіе языки рѣдко образуютъ причинные глаголы своими средствами, какъ Литовскій и Латышскій, но подобно германскимъ нарѣчіямъ болѣею частію лишь сохраняютъ ихъ, какъ остатокъ старины.

Глаголы причинные II (*вѣситъ*, *моритъ*) отъбѣгаютъ тѣмъ, что въ языкѣ имъ противопоставлены глаголы частью средніе безъ всякаго другаго замѣтнаго грамматическаго отбѣика (*мереть*, по характеру 1-й темы = Скр. 1-му или 6-му кл.), частью средніе начинательные, означающіе переходъ въ извѣстное состояніе,

(но не отрицательные, какъ *блѣтъ*), съ н въ характерѣ, какъ *виснешь, виснуть, повисъ*, частью средніе же, означающіе пребываніе въ известномъ состояніи, съ характеромъ *н*: *висѣть—висишь*.

Неподлежитъ сомнѣнію, что выраженіе отглагольных длительности не въ одной какой либо формѣ спряженія напр. въ переходномъ времени, а равномерно, такъ что одна и таже степень длительности лежитъ въ основаніи всѣхъ формъ, составляющихъ спряженіе и лишь видоизмѣняется нѣкоторыми изъ нихъ, какъ напр. аористомъ и переходящимъ, что такое выраженіе есть явленіе довольно позднее. Я немогу здѣсь заниматься подробнымъ опроверженіемъ мнѣнія Гильфердинга, что степеней длительности нѣтъ въ Литовскомъ и ограничусь слѣдующимъ утвержденіемъ. Сравненіе Славянскаго съ Литовскимъ и Латышскимъ показываетъ, что начало образованія степеней длительности относится или ко времени полнаго единства этихъ языковъ, или, по крайней мѣрѣ, ко времени несравненно большаго ихъ сходства, чѣмъ то, которое мы можемъ предположить въ историческое время. Славянскіе однообразные глаголы суть продуктъ отдѣльной жизни слав. племени. Кромѣ нихъ въ Славянскихъ языкахъ слѣдуетъ различать не менѣе (въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ болѣе) 3-хъ степеней длительности, изъ коихъ послѣдняя наибольшая опять спеціально славянская, и лишь первая двѣ отчасти совпадаютъ съ соотвѣстственными образованіями въ Латышскомъ и Литовскомъ. Есть въ разсматриваемомъ отношеніи и другія сходства между этими языками и Славянскимъ, но они не такого свойства чтобы немогли возникнуть и самостоятельно. Двѣ упомянутыя степени назовемъ: первую и основную (*нести*, Лит. *nešti*)—просто длительною или конкретно-длительною, вторую (*носить*), по крайней мѣрѣ въ Слав., болѣе длительною или отвлеченно-длительною.

Небольшое число слав. глаголовъ 2-й степени длительности (однако не менѣе 10, изъ коимъ 7 съ о въ корнѣ: *носить, возить, водить, ходить, бродить*,

соचितъ (sequi), *гонитъ*, *блудитъ*, *труситъ*, *лазитъ*) показываетъ, что въ началѣ, при возникновеніи этой категоріи, языкъ воспользовался для ея выраженія тѣмъ же глагольнымъ характеромъ и тѣмъ же усиленіемъ, какимъ онъ пользовался для выраженія причинности. Здѣсь Славянскій и Литовско-Латышскій въ значительной степени согласны между собою, но затѣмъ они расходятся, такъ что Славянскій въ глаголахъ длительныхъ другого характера создаетъ свои особые усиленія, а Литовско-Латышскій большею частію, хотя, какъ увидимъ, не исключительно, продолжаетъ пользоваться тѣмъ же родомъ усиленія (при Лит. *pinti* — болѣе длительный *páinioti*).

Затѣмъ перехожу къ обзору формъ разсматриваемаго усиленія, уже не обращая вниманія на различіе его функцій въ случаяхъ, какъ *нести*, *носить* и *течь* — *точить*. Такъ какъ это усиленіе въ Слав. языкѣ относится ко временамъ дославянскимъ, когда еще не было свойственныхъ позднѣйшему языку ослабленій звуковъ, то общее правило вытекающее отсюда то, что слав. усиленія этого рода должны быть разсматриваемы какъ усиленія не ослабленныхъ спеціально славянскихъ звуковъ, а тѣхъ, которыя лежатъ въ ихъ основаніи. Правильно это, которымъ руководится и Гейтцеръ, несоставляетъ новости, ибо кто уравниваетъ *у* въ *будитъ* съ *о* (=ау), въ скр. *bōdhaṇati* (Schleicher Formenl. 79), тотъ тѣмъ самымъ признаетъ, что *у* не могло возникнуть изъ *з* въ *бзѣти* и что стало-быть выраженіе: «*з* усиливается въ *у*» и т. п. ошибочно.

Наиболѣе явственно тождество способа этого усиленія съ санскритскою постановкою *а* предъ усиленнымъ звукомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда усиляемая гласная есть *и*, *у*, стало быть рѣзко отличается отъ усиливающей (*а*). Поэтому я начну съ этихъ случаевъ и отъ нихъ перейду къ болѣе труднымъ съ основнымъ *а*.

А. Основное *и* (позднѣйшею замѣною котораго въ корняхъ на согласные бываетъ и *ь*) въ Славянскомъ языкѣ даетъ въ разсматриваемыхъ здѣсь случаяхъ уси-

ленія: ој предъ гласными (*пѣти*—*поѣти*, т. е. *пој-и-ти*) и ѣ предъ согласными: *вис-иѣти* в. *вис ѣти*—*въс-ити*, *лѣ(и)нѣти* в. *липнѣти* в. *лѣпѣти*—*лѣпѣти*. Этимъ *ой*, ѣ соответствуетъ постоянно лит. *ai* (т. е. не только *ai*, но и *ai*, *ai*, причемъ долгота *a*, вѣроятно литовскаго происхожденія), Латыш. *ai* и *ai*. Присматривая глаголы съ этими *ai* у Шлейхера (Lit. Gr. 48—54) и Билешигейна (die Lett. Spr. 130—3), можно убѣдиться, что Литовцы и Латыши употребляютъ это усиленіе столько же въ глаголахъ причинныхъ (Лит. *bai-d-yti*, Лат. *bai-d-it*, пугать, при Лит. *bi-j o-tis* Лат. *bi ti-s*, бояться; Лит. *paik-inti*, уничтожать, при *nyk-ti*, *pinku*, никнуть, исчезать), сколько и въ болѣе длительныхъ и учащательныхъ: Лит. *lų-ti*, Лат. *lit*, лить—Лит. *lai st-y-ti*, Лат. *laistit*, поливать; Лит. *lęžti*, (кор. *ligh*) лизать—*laiž-y-ti*; *pinti*, плести—*raĩn-i-oti* запутывать; *vųti vejū* гнаться—*vaj-o ti*, преслѣдовать. Если *e* въ *vejū* есть тоже что ѣ въ Слав. *лѣж* при *лѣти*, то отсюда слѣдуетъ: или то что *ai* въ *vajoti* и ој въ *поѣти* есть новое усиленіе сравнительно съ этимъ *e=ѣ* и равно не основному *ai*, а основному *ai* (ср. Скр. прич. *pañajati* поить, *bhāñajati*, страшить), или же, что первоначально въ обоихъ случаяхъ стояло *ai*, но въ первомъ (*vejū*, *лѣж*) ослабло (какъ *мард*—въ *млд*), во 2-мъ осталось (какъ *мард*—въ *млад*). Сравненіе съ санскритскимъ здѣсь дѣла рѣшить неможетъ, такъ какъ еще вопросъ, не есть ли вриддги въ *ñajati* (*facege ut jaseat, deponere*, кор. *си*, сѣтѣ лежить) спеціально санскритское явленіе. Во всякомъ случаѣ если даже въ основаніи слав. *коѣти* (класть: «лихо зкоилось»=складось, «що він коїть»—дѣлаеть, затѣваеть) лежитъ *kañ*=скр. *ñai*, то функція этого усиленія совершенно одинакова съ ѣ въ *въсѣтъ*. Объ отношеніи *поѣтъ* къ *pañajati* см. мнѣніе Боппа V. Gr. III 91. Шмидтъ (Zur Gesch. der indogerm. Vol. 12) относитъ *у-крой*, *кроѣти* къ слав. корню *кри*, въ коемъ *и* изъ *a*, предполагаемаго формами *крѣнъ*, *кора*. По его мнѣнію *крой*, *кроѣти*: *краѣти*=*кой*, *поѣти*: *напаяти*. Сравненіе

невѣрно, такъ какъ *краяти*, *краеши* относится къ одному разряду *баяти*, *баеши*, т. е. съ *е_а*, въ которомъ усиленія и въ *ой*, *ь* небываетъ. Слѣдуетъ принять, что *кро-ји-ти* предполагаетъ *край*, а *край*, *краяти* — *кра*: то и другое сродно съ *кар* (*крѣоти*), *скар* (Др. Врхн. *scēran*, рѣзать); такимъ образомъ *кронти* сюда неотносится.

Б. Основное *у* (котораго позднѣйшія славянскія замѣны суть *ѣ* и *ѧ*), по аналогіи съ усиленіями *и* въ *н* и *ој*, должно бы давать въ причинныхъ глаголахъ двѣ формы усиленія: одну соотвѣтственную съ *ь* предъ согласными, и другую соотвѣтственную *ој*, передъ гласными. По тойже аналогіи обѣихъ формамъ въ Лит. и Латышск. должна соотвѣтствовать *аи* (русск. *ау*) съ долгимъ или краткимъ *а*.

Въ дѣйствительности мы находимъ здѣсь болѣе двухъ формъ, о чемъ ниже. Начиная съ того, что соотвѣтствуетъ здѣсь звукамъ *ь* и *ој*, мы видимъ

а) Что на мѣстѣ *ој* (передъ гласными) стоитъ *ов*. Въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться, хотя вполнѣ подходящихъ примѣровъ почти что не найдено, такъ какъ намъ нужны не имена, а причинные глаголы: *слѣвити* есть глаголъ отъименный. Скорѣе похожъ на причинный *ловити*, хотя и въ немъ значенія: искать случая напр. поймать, убить (Ип. лѣт.), хватать, могутъ быть выведены изъ отъименныхъ: *ловъ* ловити, *ловы* дѣяти. Если корень есть *лу* (ср. скр. *лû*, *лунîти*; русск. *лунь* хищная птица и *лутъ*), то *ловъ* образовано какъ *ровъ*, *кровъ*; если же это слово сродно съ ст.-слав. *латати* (=ловити, *insidiari*, Скр. *lâ*, *accipere*, Mikl. Lex.), то скорѣе можно бы ожидать *лай* в. *лавъ*, а не *ловъ*.

б) Далѣе видимъ, что на мѣстѣ *ь* передъ согласными здѣсь *у* (ст.-слав. *оу* считаю только написаніемъ, заимствованнымъ изъ Греческаго, хотя въ доисторич. время на мѣстѣ этого звука въ Слав. дѣйствительно, какъ оказывается, должна была въ некоторыхъ случаяхъ стоять двогласная) напр.:

вык-нѣти, привыкать, учиться, Н.л. huknuš, учиться, по формѣ корня и по среднему начинательному значенію=лит. junk-st-u, junkti, привыкать; причинное *уч-ити*=лит. jaukinti, лат. jáucēt, приучать. Относительно корня ср. Скр. *уч-ја-ти*, находить въ чемъ удовольствіе, охотно что дѣлать, имѣть привычку; *учитѣ-привычный*; *jamh-очитам*, какъ повелось, «по пошлѣнѣ» (Новг. Л. 7, 3), приличнымъ образомъ; *окас* сред. удовольствіе, привычное мѣсто, мѣсто жительства=(кромѣ суф.) лит. ūk-is, усадьба, жилой домъ (срб. завичај). Оближеніе съ *вач*, *вакти*, *ѹче* говорить, прич. *вѣчајати*, между прочимъ—читать (facere ut litterae dicantur), хотя и подходить по значенію къ Срб. «книгу учи», читаетъ, но для *привыкнутъ*, *приучить* неудовлетворительно.

На основаніи *учити*=jaukinti слѣдуетъ предположить у изъ *ау* въ *студити* при *стынути* и *губити* (собст. заставлятъ склоняться и падать) при *губнѣти* (соб. склоняться, какъ Латыш. gubstu, gubt).

Сушити, Лит. sausinti, Скр. *сѹшајати*, сушить, при *сѹх-нѣти*, скр. *сѹшјати*, сохнетъ; однако въ Лит. и въ среднемъ глаголѣ *ау*: sausti.

Крушити, Лат. kráusēt, толочь въ ступѣ, при *крѣ-шити*, *крохкій*.

Тушитъ при *тѣх* въ *затхлый*, *тхорѣ*. Отлично отъ всего Поль. tuszyć кому, внушать кому надежду, увѣренность,—sobie, ожидать, надѣяться=скр. *тѹш-аја-*, успокоить, удовлетворить, удовольствоваться при *туш-ја-ти* быть спокойнымъ, довольнымъ.

Сюда же *рудить*, *будить*, *мудить*, *глушить*, *душить*, *нѹрить* и др.

Въ Литовск. и Латыш. тоже усиленіе, подобно тому, какъ и *аі*, является или остается и въ глаголахъ болѣе длительныхъ: лит. daužytis, колотиться, околачиваться, при daužti, колотить, съ чѣмъ ср. латыш. дѣйств. dauzit, разбивать, при среднемъ saduzt разбиваться; латыш. болѣе длит. (по Биленинг. frequent.) láupit, лупить, lauzit, ломать, при lūpt, schālen, lūzt, ломаться; braukāt, ѣздить, при brukt, sich schieben.

Кромѣ этихъ въ Слав. есть еще два видоизмѣненія усиленія *у*, по видимому, указывающія на основное *ау*, но функционально равносильныя съ вышеразсмотрѣнными, почему, пока, невидю основанія считать ихъ за 2-ю степень усиленія въ смыслѣ позднѣйшей, сравнительно съ *ау*.

в) Передъ гласной—*ав*. При *бы-ти* (скр. *bhû*, *bhā*-вати) причинное *бавити*, собств. заставляя быть, дѣлать такъ, чтобы нѣчто было (какъ и скр. прич. *bhāv-a-ja-ti*), откуда Поль. *bawić się gdzie*, Серб. *bawiti*се, пребывать; *избавитъ* кого отъ чего (древнѣе—чего, какъ *Mr. віція, життя* *збавити*, лишитъ), соб. сдѣлать такъ, чтобы въ комъ чего-либо небыло, и лишь въ этомъ смыслѣ—спасти. Такъ какъ съ понятіемъ бытія и жизни такъ связывается мысль объ удовольствіи, что напр. *Mr. избебутися*, нѣчто въ родѣ лишиться счастья, потерѣться муки (жена мужу: «я жъ з'тобою тай не нажилася, тільки за тобою тай избебулася». Метл. 360), то *бавити*—доставлять удовольствіе, забавлять. Я не понимаю, почему это Гейтлеръ по поводу того, что будто «ошибочно производятъ *бавити* отъ *быти*, возникшаго изъ *бути*», думаетъ, что «*и však v av se nestupňuje* (Fon. § 92. 1).

Давитъ есть первонач. причинный глаголъ, съ коимъ ср. не скр. *дунѣти*, горѣть внутреннимъ огнемъ, мучиться, печалиться, а скр. *dhû-nōti*, трясти, быстро двигать, откуда причин. *dhava-jati*. Относительно связи быстрого движенія и давленія ср. *тиснуть* и Поль. *ciskać*, бросать; Лит. *dowitis*, *dowijũs* есть, кажется, заимствованіе изъ Русскаго.

Плавить, собств. заставляя плыть (пла), по формѣ, но не по значенію—Лит. *plowiti* вымывать, очищать, болѣе длит. при *plauju*, *plauti*, мыть, полоскать. Точно такъ отлично по значенію Скр. причлн. *plāvajati*, *inundare*, *fluctuantem*, *vacillantem reddere*, при *плаватѣ*, *natare*, *fluctuare*.

Травити собств. заставляя ѣсть, при *тру-ти*.

Въ Чеш. ср. *unaviti*, утомить, причин., при коемъ

нытъ; z-o-taviti, укрѣпить, ср. скр. *tu tâuти*, crescere. *Славить*—отыменное, какъ, быть можетъ, и *привить*. *) Съ этимъ *ав* сходно и литов. *ow: džovinti* сунуть; но здѣсь *ow* имѣетъ для литов. особую причину, именно ту, что усиленіе *au* уже было употреблено для дѣйствит. глагола *dzãuti*, положить сунуться, стоящаго при начинательномъ сред. глаголѣ *džustu, džuti* сохнуть.

г) Передъ согласными—*ва*. *Квасити* собст. мочить, какъ въ Серб., отчасти въ Русск. напр. расквасить носъ, разбить такъ, чтобы кровь потекла; *квасъ* собст. жидкость, питье, откуда Лужицкое значеніе пива (пи-ръ, питье) именно свадебнаго, затѣмъ уже—бродило, нѣчто кислое; Латыш. *kāuset liquefacere*, при *киснѣти*, соб. мочнуть (какъ и въ Русск., ср. Серб. *киша* дождь), Лит. *kus-tu, kust, liquescere*. Это сравненіе показываетъ, что *зи* здѣсь отнюдь не возникло «изъ 1-го усиленія *au*» (Geitl. Fon. § 92. 2). Суффиксъ латышскаго глагола начинательнаго средняго другой, чѣмъ въ *киснѣти*, но строеніе корня одинаково. Въ *киснѣти* значеніе броженія и кислоты производное, почему и нѣтъ основанія сближать его съ Скр. *кун* (in bewegung, wal-lung gerathen) и Слав. *кыпити* черезъ посредство дегидративнаго *кунс* (Geitl. Fon. стр. 65 прим.). Если даже и допустить (I. с.), что *оса* (Гейтлеръ считаетъ основною формою *воса*) изъ формы—Лит. *warpa* (что сомнительно), то и при этомъ *кунс* должно бы остаться въ томъ же видѣ въ Латышскомъ, а не въ формѣ *kus*.

Тотъ-же процессъ, что въ *квасити* можно предположить въ *хватити* (быть можетъ первоначально—

*) Изъ именъ, въ дополненіе къ упомянутому выше *лови-ти*, упомяну: *об-лава*, родъ большой сѣти для осачиванія звѣря въ лѣсу и въ полѣ (Поль.), родъ загороди для ловли козуль (Собир.), охота облавою (особою), окруженіе, родъ военнаго построенія (полукругомъ) (Поль.), толпа, множество, *лава*, казачье построеніе полукругомъ. Последнее ошибочно отнесено Далемъ къ *лава* скамья, которое впрочемъ тоже тягетъ къ корню *лу* въ значеніи рѣзать, колоть.

болѣе длительный при *хут-*), *хвали*ти, *квали*ти (Поль. и др. торопить), *квар*ити и нѣкоторыхъ именахъ.

Что касается до мнѣнія, что и въ Лит. *ва* возникло изъ дwoегласной (*dwásé* дыхание, Geitl. *ib.*), то можно допустить и на оборотъ, что какъ въ Санскр. *ва* (напр. въ *тв́ратê*, спѣшить, *сва*пити, спать) считается болѣе древнимъ, чѣмъ представляемое его стяженіемъ *у* (*тў́рјатê*, *су јатê*), и какъ болѣе древнее *ва* въ Скр. *дв́ар*, ж. и *дв́ра-* ср., дверь, является въ Лит. въ видѣ *у* (*durys* мн ж.); такъ точно и Лит. *dwésti*, дышать, *dwásé*, дыхание, быть можетъ Жмуд. *dwokti*, вонять, возникли непосредственно изъ *ва*, откуда и стяженіе *у*: *dusti*, тяжело дышать, *dūsas* вздохъ. Это стяженное *у*, принятое за основаніе, даетъ усиленіе *ау* (*au*) въ Лит. *dausa*, воздухъ. Слав. *душа* ближе всего подходитъ къ этому последнему.

Въ доказательство того, что Слав. *ва* въ *квасъ* и пр. возникло именно изъ дwoегласной *āу* (или *āу?*) можно указать на то, что гдѣ, на оборотъ, есть основаніе предполагать болѣе древнее *ва* или *вā*, тамъ на его мѣстѣ и въ Славянскомъ застаемъ или *во*, *ве*, *въ* (*дворъ*, *дверь*, *вепрь* (скр. *вāпати*, сѣять, осѣмнять, родить), прилаг. *четверъ* (при скр. количеств. *чатв́ар*), *четвъртъ*, или стяженія *у*, *ы* (*четв́ирите*). Такъ глаголь *журити* (Мр. печалить, Врусс. журить—бранить, Чеш. *zuřiti*, яриться, свирѣствовать, Серб. журитисе, торопиться) есть первоначально причинный отъ корня съ *ва*; ср. Скр. *джв́ал-ати* пылать, *джвар-ати*, страдать лихорадкою (быть въ жару? или по обычной связи «горѣть—болѣть?»), при коихъ *джў́рйū*, ж. пламя, пыль, поспѣшность. *Турити* (русск. гнать: «протурить», серб. бросать) собств. заставлятъ спѣшить, торопить, тоже что скр. причин. *тв́арајати*, отъ *тв́ратê*—*тутў́рти*, спѣшить. *Хвали*ти (Мр. Поль. клонить) есть причин. отъ корня *свар*, который между прочимъ въ Лит. *swerti*, вѣсить на вѣсахъ, *swerdēti*, качаться, колебаться. *Успѣ*пити, скр. причин. *свапајати* при слав. *спн-ати*, гдѣ *з* изъ *у*; въ Санскритскомъ *свап*ити, *свап*ати, *сујатê*.

Впрочемъ есть случаи, относительно коихъ можно сомнѣваться, произошло ли въ нихъ слав. *ва* на слав. почвѣ изъ *ау*, а это изъ *у*, которое въ свою очередь было стяженіемъ *ва*, или же слав. *ва* непосредственно соответствуетъ Скр. *вā*: Поль. *swaŃ*, Мр. *чвалати*, ити, бѣжать, Скр. *свал а ти*, бѣжить.

Спрашивая себя о способѣ возникновенія *ва* въ *квасъ* изъ *ау*, мы видимъ здѣсь двѣ возможности: или принимать непосредственную перестановку, какъ это дѣлалось прежде относительно *ар*=слав. *ра* между двумя согласными; или же, по аналогіи съ предполагаемымъ рядомъ сочетаній: *ар*=*ара*=*ра*, допустить и здѣсь *ав*=*ава*=*ва*. Въ духѣ Гейтлера можно бы рассуждать и такъ: если *ра* (въ *градъ*) изъ *оро*, то и *ва* въ *квасъ* изъ *ово*; но здѣсь предполагаемое *ово* нигдѣ ненаходить той поддержки, которую имѣетъ *оро* въ Русскомъ. По возможности оставляя въ сторонѣ все сомнительное, согласимся понимать подъ перестановкою въ *квасъ*, *градъ* только результатъ (а не процессъ), и въ этомъ смыслѣ допустимъ сходство обѣихъ формъ. Тогда отъ преувеличенія сродства этихъ формъ должно насъ предостеречь то обстоятельство, что 1-я есть общеславянская, слѣдовательно, по принятому способу заключенія болѣе древняя, 2-я свойственна только нѣкоторымъ нарѣчіямъ, слѣдовательно новѣе; разница во времени заставляетъ предполагать нѣкоторое различіе въ качествѣ процесса.

В. Корни съ основнымъ *а* различаются въ дальнейшей своей судьбѣ, смотря потому, слѣдуетъ ли въ нихъ за этимъ звукомъ *р*, *л*, или же другая согласная. Въ этомъ § буду говорить о первыхъ, которые въ свою очередь распадаются а) на корни, кончащіеся на *р*, *л*, и б) на такіе, въ коихъ послѣ этихъ плавныхъ слѣдуетъ нѣмая согласная.

а) Выше упомянуто, что уже основное *а* могло дѣлиться усиленіемъ (гуна), какъ скоро въ языкѣ сопоставлена съ нимъ форма съ ослабленіемъ того же звука. Быть можетъ въ тоже время, а быть можетъ и въ другое, но для тѣхъ же грамматическихъ цѣлей явилось

и удлиненіе основного *a*, которое въ разсматриваемомъ случаѣ (передъ *r*,) въ санскритской грамматикѣ носитъ названіе вридги отъ *ṛ*. Въ Славянскомъ языкѣ, въ случаяхъ, когда имѣется или предполагается ослабленіе основного *ар*, *ал*, состоящее въ измѣненіи *a* въ *e*, *z*, *ь*, или въ опущеніи одного изъ послѣднихъ звуковъ, замѣною гуны служить *ор*, *ол*, а замѣною вридги—*ар*, *ал*. Выше было упомянуто о возможности того, что *ор*, *ол* въ извѣстныхъ случаяхъ, когда неимѣли при себѣ ослабленій, никогда небыли усиленіями. Здѣсь прибавимъ, что въ другихъ случаяхъ они могли перестать функционировать какъ усиленія и лишь въ третьихъ, о которыхъ здѣсь рѣчь, остались при своемъ символизмѣ. Напомню, что разсматриваются здѣсь лишь относительно позднѣйшіе изъ древнихъ усиленій, т. е., неговоря объ именахъ, тѣ которыя сопровождаютъ образованіе глаголовъ съ характеромъ ^н. Такимъ образомъ отношенія *a* въ *умарати* (о которомъ ниже) къ *o* въ *морити* сюда не входятъ, какъ еще болѣе позднія. Различія въ грамматическихъ функціяхъ между *ор*, *ол* и *ар*, *ал* мы незамѣчаемъ, по крайней мѣрѣ въ глаголахъ, и пока эти различія не будутъ показаны, считаемъ усиленія равносильными, какъ равносильны между собою и ослабленія. Употребленіе терминовъ гуна и вридги не должно вести къ ожиданію, что въ Славянскомъ всегда на мѣстѣ гуны мы встрѣтимъ *ор*, *ол*, на мѣстѣ вридги—*ар*, *ал*. Можетъ быть и на оборотъ, такъ какъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ образованіями не тождественными въ отдѣльности съ санскритскими, а лишь въ общемъ сходными по цѣли и средствамъ. Въ самомъ Скр. причинные глаголы отъ корней на *ар* не слѣдуютъ одному общему правилу, но не рѣдко отъ одного и того же корня имѣютъ то гуну (т. е. основное *ар*), то вридги *ār*.

аа) *Морити*, собственно причинять смерть, по въ Скр. причинное *mār-aja-*, убивать, съ *ār*; Лит. *marinti*, находится при чьей смерти, закрывать глаза умершему, безъ сомнѣнія тоже предполагаетъ причинное

заченіямъ и времени происхожде-
нъ глаголамъ второй степени дли-
имъ предшесгвующіе принимаютъ
зные, то есть *тешти*, *пити* суть
е съ *точити*, *поити*, хотя 1-ые
а вторые причинные. Новая ка-
льности не стираетъ этихъ разли-
тъ ихъ собою, придавая имъ одинъ
екъ болѣе длит. глаг. будетъ *тъ-*
точъ—*тачати*, при чемъ *тъка-*
ія и степени длительности=*тача-*
тешти, *точити*, *тачати*, *тъ-*
формъ: *пити*, *поити*, *напачати*,
о построить въ одинъ такой рядъ,
слѣдующій членъ предполагалъ бы
эти формы распадаются на 3 ряда:
чити, *поити*; б) *тешти*, *пити*—
почити, *поити*—*тачати*, *пачати*.
лько уже упомянутыхъ выше слу-
отношенію къ о, дѣйствительно
ого языка есть второе усиленіе,
коихъ ближайшіе первообразные
уже вторую степень длительности
мъ первообразнымъ (вести). Здѣсь
но составляютъ одинъ послѣдова-
лены относительно значенія раз-
нью длительности. Языкъ, пользу-
способомъ усиленія (*нести*—*носи-*
вшей длительности, не нуждается
иленія: отъ *вести*, *нести*, *брести*
еній, каково *тъкати* отъ *тешти*.
прямлинейная правильность язы-
тѣмъ, что усиленіе а лишь отъ-
зъ, и, ъ и вмѣстѣ съ ними есть
ни, отчасти же есть усиленіе 2-й.
силеніе з въ зъ, ѡ въ и, е въ ѣ,
обенность Славянскаго языка, хотя
должно быть до нѣкоторой степе-

ни ограничено, именно указаніемъ на явленія, отъ которыхъ зависящая отъ нихъ сила усиленія въ Литовскомъ. Вообще говоря, Литовскій языкъ стоитъ на той степени, на которой Слав. въ *водити*, именно въ Лит., по правилу, образованіе глаголовъ болѣе длительныхъ сопровождается тѣми же усиленіями = гупѣ, что и образованіе причинныхъ: *lekiu lėkti*, летѣть ($e = \text{осп. } \ddot{a}$), болѣе длительный *lakioti*, порхать, причин. *lakinti*, заставлять летать ($a = \text{Слав. усил. } o$); въ Латыш. *lėkt*, прыгать, болѣе длит. (*iter.*) *lakstīt*, прыгать, порхать; при основномъ *i*, какъ въ *riszti*, Латыш. *rist*, вязать, Лит. *gyventi*, жить, Лат. *dzīstu dzīt*, заживать о ранѣ, — болѣе длит. Лит. *raiszyti*, вязать, Лат. *raisīt*, причинный Лит. *gaiwinti*, жить ($ai = \text{Слав. } ѣ \text{ изъ } i$); при основ. *и* (*bugstu, bugti*, пугаться, *kupti* складывать въ купу) — болѣе длительный *kaupinti id*, прич. *bauginți*, пугать (Лат. *baudīt*?). Сходство глаголовъ болѣе длительныхъ и причинныхъ, составляющее въ Слав. языкѣ исключеніе, здѣсь — правило, почти не встрѣчающее исключеній. Измѣненія гласныхъ, наиболѣе подходящія къ Слав. усиленіямъ втораго рода, въ Лит. распространяются не на все формы составляющія спряженіе, а *приурочены къ одному времени, прошедшему*. Литовско-Латышское прошедшее простое отличается отъ настоящаго не формою личныхъ окончаній, а частью только характеромъ, равнымъ основному *a* (*спр. Слав. преходящее съ ъа*), или сложному съ этимъ послѣднимъ, частью же вмѣстѣ съ этимъ — видоизмѣненіемъ гласной относительнаго корня. Это похоже на то, какъ если бы прошедшее въ Слав. отъ *мести*, *метѣ*, было не *метѣхъ* или *метѣахъ*, а *мѣтаѣхъ*. Но такой глаголъ, какъ послѣдній, въ Слав. требуетъ во всѣхъ формахъ усиленія гласной (*мѣтаѣхъ*), или ея качественной неизмѣнности при вѣроятномъ удлинненіи; въ Литовскомъ же усиленіе гласной въ прошедшемъ является лишь въ нѣкоторыхъ разрядахъ, между тѣмъ какъ въ другихъ видимъ ея ослабленіе. Это обстоятельство слѣдуетъ положить на вѣсы, сравнивая Слав. усиленія *ѣ, а, и, ъ* съ измѣненіями гласной въ Лит. прошедшемъ.

значеніе, такъ какъ ухаживать за умирающими или мертвыми значить дѣлать такъ, чтобы умеръ (съ добрымъ умысломъ), помогать умирать—услуга важная и по взгляду русскаго простолюдина. Ослабленные формы—*мирж*, *мру* (=Вед. *морâми*), *мирти*, *мерети* (Новг. I), *мрпти*; Лит. *mer* въ *merd mi*, *ëti*, быть при смерти, кончаться, *ig* въ *mirti*, мереть.

Молити, *molege* (Ст.-Слав.) и *ргесарі* (соб. смягчать), быть можетъ есть только болѣе длительное при *мелж* (ослаблен.), или отъименное. Во всякомъ случаѣ усиленіе *мал* здѣсь связано съ разграниченіемъ значеній. Впрочемъ, если *д* въ *модлити* (ст. Хорут., Чеш., Поль.) неестъ вставка, то корень въ *молити*, *ргесарі*, другой; ср. Гот. *mathl-jan*, говорить.

Волити, избирать (какъ въ Ст.-Русск.), хотѣть, тоже вѣроятно никогда небыло причиннымъ, но должно было и по грамматическому значенію отличаться не только отъ *довзлѣтити*, но и отъ *велѣтити*, хотѣть (Ст.-Слав.). Замѣчательно, что этотъ послѣдній глаголѣ и безъ измѣненія виѣшней формы приближается къ причинному значенію: приказывать здѣсь значить, быть можетъ, дѣлать такъ чтобы другой хотѣлъ. *Волити*=скр. *вараја*, выбирать, въ коемъ нѣтъ рѣзкаго различія значеній съ скр. *вѣрати*, *вѣнѣти*, *вѣнѣти*.

Зазоритъ (Новг.), засвѣтитъ, напр. свѣчу, причинное при предполагаемомъ значеніи свѣтитъ (средн.) въ *зър-н-ти* или *зър н-ти*, *зър-и-ши*. Связь представленія и свѣта извѣстна.

Зорити (Русск.), дѣлать зрѣлымъ, причинный глаг. при з(ъ в. з)р-н-ти, зр-нѣ-ши, спѣть.

Раз-ор-ити, Серб. *об-орити*, ст.-Слав., Серб. *орити*, рушить, валить (Серб. «али грми, ал'се земља хорри» Чуб. Чојк. пјев. 9), есть причин. отъ потеряннаго глагола съ ослабленіемъ основнаго *ар* и значеніемъ падать. Написаніе раззорить ничѣмъ неоправдывается.

66) Нѣтъ сомнѣнія, что отъ того же *мар* мереть, отъ коего *морити*, образуются и формы со слав. *ар*, при томъ такъ, что различію между *ор*=основ. *ар* и

ар==основному *ар* нельзя теперь найти объясненія. Въ мѣологическомъ названіи смерти: Поль., Чеш. *marzena*, *marzana*, *mařena*, Мр. *марена*, Чеш. *mořena* находимъ и *a* и *o* (даже *y*), между тѣмъ какъ въ Скр. *marāṇa-m*, смерть, стоять, *ā*. Сюда же чеш. глаголь, *mariti* имѣющій видъ причиннаго: уничтожать, портить.

Но есть и другой корень *мар* неотожествимый съ первымъ, невстрѣчаемый въ Санскритѣ, но предполагаемый на основаніи производныхъ, именно *мар*, мерцать, мелькать, блестятъ: см. Böhling—Roth, V, 570, подъ *марут*, Curt Grundz², 574—497, гдѣ къ нему отнесено между прочимъ греч. *μαρμαίρειν* блестятъ (*schimmern*) и *μαυρός*, темный, послѣднее черезъ посредство предполагаемаго *μαρδος*. Въ Славянскомъ языкѣ семейство словъ этого корня довольно многочисленно. Изъ отдѣла, въ коемъ *y* чередуется съ *o* (указаніе на основ. *a*) замѣтимъ только Врусс. *муръ*, трава, дернъ—Лит. *maugai*, мн. отъ *maugas*, ряска, *temna*, огъ зеленого цвѣта, Лат. *maugs* дернъ. Изъ другого отдѣла съ *a* здѣсь важно Врусс. (и др.) *марить*, о явленіяхъ миража, быть можетъ причинная, во всякомъ случаѣ усиленная форма при ослабленной *мр-ть-ять*, Мр. *мріе* (*мріти*?), мелькать, видѣться.

Вр. *галишь* а) о дѣтяхъ: пускать изо рта слюну, слизъ; б) тошнить: «его галишь»; в) о проигравшемъ: подавать мячъ или шаръ тому, кто бьетъ—Поль. *galić piłke*; г) лягаться, о лошади и пр. Всѣ эти значенія легко понимаются какъ причинныя: заставлятъ течъ, заставлятъ мячъ летѣть или падать. Подобно этому *бросить* и Лит. *blaszkyti* (напр. *i szali*—отодвинуть въ сторону,—*žėmyti*, бросить повалить на землю) есть причинное=(кромѣ характера *n* въ корнѣ) скр. *bhrāṇṣajati*, *deṣicere*, при болѣе первообразныхъ *bhraṇṣjati*, *bhrāṇṣatē*, *decidere*, *elabi*. Относительно связи бросанья и ляганья ср. Поль. *wierzgać* (т. е. выргати) въ знач. лягаться. По всему этому *галишь*=Скр. *gāḷajati*, заставлятъ течъ, выливать, которое есть причин. отъ *gāḷati*, а) отпадать, опадать; б) капать, течъ. Сюда же Греч. *βάλλω*, Curt. Grundz.

№ 637, въ коемъ *вал*—изъ *вал* съ неорганическимъ *в* послѣ *г*; такое же видоизмѣненіе корня именно *вал* изъ *гал*, можно бы предположить въ Русскомъ *гилить* (*гил* изъ *вал*, какъ *хыл* изъ *свар*)=галить, подавать мячъ.

Причины: *парить* изъ *прить*, *варить* при ст.-Слав. *врѣти* (Лит. *virti*), *саварить* (Мр. Поль.) при предполагаемомъ Ст.-Слав. *скврѣти* (Серб. *цврјети*, *цврѣти*), *палить* при *потѣти*, горѣть (*пел*—въ *пелынь*, *не-пелъ*), *валить* при *взл* во *взлаажжа* и др. Напротивъ *парить* есть болѣе длительный при формахъ какъ «и *вспержѣти* въ кораблехъ иноплеменикъ» (полетать) Ис. 11, 14, Библ. 1499, Бусл. Матер. 47.

Различіе между коренной гласной въ *морити* и *марити* можно по-видимому объяснить тѣмъ, что первая форма предполагаетъ *ар*, вторая *ир*. Было ли такое различіе явленіемъ славяно-литовскимъ? Если смотрѣть на Лит. *о*, какъ на единственную замѣну основнаго славяно-Литовскаго *а* и на единственный звукъ, соответствующій славянскому *а*, то можно бы думать, что вышеупомянутое различіе есть особенность Слав. языка. По крайней мѣрѣ не видно литовскихъ причинныхъ или болѣе длительныхъ на *iti*, *inti* съ усиленіемъ *ог*, а имѣются лишь такія какъ *marinti*. Но сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ надобности въ вышеприведенномъ взглядѣ. Какъ въ другихъ случаяхъ (напр. въ оконч. именит. ед. ж.) основное *а*=и Лит. *а*, и Слав. *а*, такъ и здѣсь, быть можетъ, Литовское *ар* предполагаетъ не только основную форму *ар*=гунѣ, но вридри *ар*, такъ что напр. *а* въ Латыш. *vārit* варить (при *virt*) можетъ быть общаю принадлежностью Славянскаго и Литовско-Латышскаго языковъ.

б) Корни съ основнымъ *ар* передъ согласною, исконою или первоначально принадлежащею къ суффиксу, въ Слав. языкѣ могутъ имѣть по отношенію къ качеству гласной только одну замѣну усиленія, именно *ра*=*оро*, *ла*=*оло*, при ослабленіи основной формы съ глухимъ звукомъ при *р*, *л*, или въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ съ *рт*,

ль, равносильными съ русск. *ере, еле: вратити, во-ротити* при *вѣртати, вѣртено—верено*. Въ Лит. здѣсь всегда *a* и никогда *o*: *markýti*, намачивать, болѣе длит. при *merk̃ti; skáldyti*, раскалывать, болѣе длит. при *skél̃ti; káldinti*, заставлять ковать, прич. при *kalù kál̃ti*, ковать. Что можетъ это значить? То ли, что стеченіе согласныхъ въ корняхъ какъ *варт* уже въ незапамятное время неблагопріятствовало появленію вриданъ въ причин. (и въ Санскритѣ причинное—*вѣртаја-*), такъ что та долгота, которая можетъ имѣть здѣсь мѣсто въ Литов. и Славянскомъ (*врāt*)—поздѣйшаго, діалектическаго происхожденія (Лит. *skáldyti*=Латыш. *skáldīt*)? Или то, что въ корняхъ построенныхъ, какъ *варт* (*p, л* передъ иѣмою), могло стоять *ā* (какъ оно есть въ Скр. *mārdжаја-*, X кл., *abstergere*), но на поздѣйшихъ замѣнахъ сочетаній *ар+сол.*, *ār+сол.* въ Слав. и Лит. это различіе качественно неотразилось, подобно то му какъ въ Литов. неотразилось качественно различіе между *ар*=Слав. *ор, ол* и *ār*=Слав. *ар, ал* въ корняхъ на плавную? Когда Гейтлеръ этимъ доказываетъ, что Слав. *влак* неестъ усиленіе (такъ какъ=Лит. *walk*, а не *wōlk*) (Fon. § 89), то онъ, во первыхъ, не признаетъ того, что и основная форма (*ар* въ скр.) или ея замѣна можетъ быть усиленіемъ, если имѣетъ при себѣ ослабленіе, что на самомъ дѣлѣ и есть во *слышти* и *влачити* *) (между тѣмъ какъ *волочь* и *волочить*, по качеству коренныхъ гласныхъ неразличаются), во-вторыхъ, онъ не видитъ второй изъ выше приведенныхъ возможностей.

*) Ср. *слыи* въ *слыпати, -пльж* («источникъ воды вселѣплѣжштамъ (Остр. истѣкалѣжщамъ) въ животъ вѣчный, Ват. Ев., Гл. нам. 65), *слыпати* (*слыпати, слыпати*), *-пльж* и *-алж*, *salire, ire* (Mikl.) и Мр. *высолонити* напр. языкъ (высунуть, первонач.—прич. приливное). Ср. также Ст. Слав. *сланъ*, Хорут. *slār*, волна, водопадъ, *slar*, паръ, испареніе, Серб. *сланъ*, морской приливъ, Лит. *salpa*, заливъ (Mikl.), кор. *carpi*.

Г. Корни съ *a* передъ согласною не плавною. Какъ выше въ глаголахъ ^и мы видѣли отъ *y* усиленія *ov* и *av* (ловити, блавити), отъ *ǫr*—*or* и *ar* (морити, марити), такъ здѣсь отъ *a* мы имѣемъ въ Славянск. 1) *o* (замѣну основной гласной *a*, ставшей усиленіемъ) и 2) *a* (=ā). При этихъ усиленіяхъ ослабленіями въ Слав. языкѣ являются *e*, *ь* и, въ немногихъ словахъ, *ъ*. Гейтлеръ и здѣсь, справедливо утверждая, что мы не въ правѣ сказать: «въ *нести*—*носити* *e* усиляется въ *o*», такъ какъ то и другое возникло изъ *ǫ*, въ тоже время держится слишкомъ узкаго взгляда на разсматриваемое явленіе, говоря: «чередованіе *e* и *o* въ слав. формахъ собственно неестъ усиленіе (*stupňování*), но придаетъ этимъ формамъ особенный колоритъ; экономія языка различіемъ гласныхъ *o* и *e* нѣкоторымъ образомъ вознаградила за пробѣлы, возникшіе вслѣдствіе неправильнаго паденія «*stupňovaných*» (усиляемыхъ? усиленныхъ?) гласныхъ» (Fon. § 86). Усиленіе можетъ именно и состоять въ томъ, что усиляемая гласная остается неизмѣнною, въ то время какъ въ другой формѣ она ослабѣваетъ. И какіе такіе пробѣлы и неправильности возникли, когда въ Скр. при *ar* въ случаяхъ требующихъ усиленія (напр. *джараја*—сопсочего) стоять ослабленія того же *ar* (джрнати, джѣрјатѣ)? Или когда въ Слав. и Лит. при *носити*=*naszinti* стало ослабленіе того же осн. *a*—*e*: *нести*—*nezsti*?

Стремленіе къ удержанію основной гласной на мѣстѣ усиленія должно было существовать еще на общендоевропейской почвѣ; ослабленіе *a* въ *e* во многихъ случаяхъ возникло въ славяно-литовскій періодъ; ослабленіе въ *ь*, *ъ*—исключительно славянское. Лишь въ одномъ случаѣ можемъ указать на относительную новостъ усиленія *o*, именно: если, какъ полагаютъ, *гонез*—есть заимствованіе съ Готскаго *ganisan*, то отношеніе формы *гонести*, *гонезнѣти*, *гоньзнѣти* (*servari*) къ *гонозити*, *salvare*, образовалось уже не удержаніемъ основнаго *a* и за тѣмъ превращеніемъ его въ *o*, а по готовому образцу *лѣшти*—*ложити* и т. п.

1. а) Къ примѣрамъ какъ *нести—нести* (у Миклош. V. Gr. I, 134) можемъ прибавить лишь немногіе: *топить* (заставлять нагреваться, таять) при Словен. *tenut'* и *ten* въ *теплѣ*; *троцить* при *трещать* (ср. Литов. *sutraszkinti* и *treszkiu*, *trekszti*, давить, мять); при чемъ форма *трѣск* осталась бы въ сторонѣ; *сочити* (осочить и пр.) при *сек* (Латыш. *seku*, *sekt* напр. *wilku* волка, Литов. *sekt*, слѣдовать за кѣмъ, *sequi*, Скр. *сача-тѣ*); *проситъ* при предполагаемомъ *прес* (осп. *праѣ* въ Скр. съ основ —*ск*—*ич*: *причати*, причин. *прѣчѣаја*); *томити*, причин. при предполагаемомъ *тем* (въ Скр. съ *а*: *тѣмѣати* *confici* *moerore*, *languescere*).

б) Въ ослабленной формѣ глухой звукъ. Въ одномъ случаѣ *ж* при *е*: *женѣ*, *жи-а-ти*—*и-нити*; въ Литов. болѣе длит. *ganyti*, беречь, хранить, пасти стадо, при ослабл. *genū* v. *gīnu*, *ginti*, стеречь, защищать; быть можетъ сюда и Литов. *genu*, *genti*, бить, стегать, обрубать вѣтви, скр. *ганти*, бѣть; основ. форма *ган*. Въ нѣсколькихъ *ь*: *ходити*—*шѣд*; *годити*—*жѣдати*; *лощити* (русс.) *лштитисѣ*, поль. *lsknąć się*; *закозити*—*нѣз*; *звонити*—*звѣнѣти*; *громити*—*грѣмѣти*; *застроमितъ* (Мр. дѣйств. значеніе заткнуть)—поль. *(s)trzmieć* сред. торчать.

Формы коренной гласной въ Скр. частью соотвѣтствуютъ славянскимъ, какъ въ *прѣчѣаја*, *тѣмаја*, *лакшаја* (видѣть, замѣтить, знач. находящееся со славянскимъ *лск*—*лоск* лишь въ отдаленной связи), частью отличны: *вѣаја* (причин. заставлять везти), *тѣпаја* (жечь, жарить), *сѣдаја* (ходить).

2. Усиленіе *а* сохранилось лишь въ немногихъ остаткахъ: а) *вѣдитъ*, проводить, протягивать время («онъ вадитъ день за день, а работа неидетъ»), проводить, обманывать обѣщаніями; Ст. Слав. *вадити* на кого, *accusare*, *calumniari* можетъ быть объяснено выраженіемъ *взводити* на кого напр. небылицы; Поль. *wada* порокъ—собств. взведенное на человека. Впрочемъ *вадити*, *accusare*, можетъ относиться и не къ кор. *вади*

(вести), а къ *вад*, говорить, куда Лит. *wadinti*, звать и Русс. *вадить*, приманивать. Къ другому *вадѣ*, бить, отнестися Русс. *вадить*, въ игрѣ въ чушки бросать свою палку въ знакъ начала игры.

Поль. *gańić* (Чеш. Луж.) порицать. Отношеніе этого слова, а равно и *gańbe* *komu dawać*, и Мр. запад. *догана*, порицаніе, позоръ, къ *эсену* — *гнати* объясняется русск. «давать *нагоняй*, давать *гонку*».

Въ обоихъ случаяхъ я считалъ бы ошибочнымъ объяснять двойственность усиленій *вод* и *вад*, *гон* и *ган* тѣмъ, что послѣднія съ *а* суть непременно вторичныя усиленія отъ первыхъ; *ган* точно также отъ основнаго *а* какъ и *гон*.

б) Въ *садити*, Лит. *sodinti*, Скр. причин. *sâdaja-id.*, а несомнѣнно тогоже происхожденія что и въ *вадити*, т. е. изъ *â* отъ основнаго *â*; по *състи*, *сѣдѣти*, Лит. *sėdmi*, *sėdėti* могутъ ли быть разсматриваемы какъ формы равносильныя по основному звуку съ *вести*? Можно бы думать, что *ѣ* въ *състи* сходно съ такимъ усиленіемъ *и*, какое находимъ въ *вѣмъ*, *вѣдѣти*. Форма корня *сѣд*, *сид* находитъ аналогію въ Скр. *сѣд-а-ти* (въ спеціальныхъ) отъ *сад*. По съ другой стороны (и это лучше) можно видѣть въ сближеніи Лит. *sėdmi* и Вед. *садми* (Боппъ) почти полное равенство, такъ что Лиг. *е*, Слав. *ь* въ *сѣд-* изъ *а* краткаго черезъ *ai*. Возникновеніе *ь* (= *ai*) изъ *а* долгаго черезъ постъйотацию во многихъ случаяхъ несомнѣнно. Таково же отношеніе между *лѣзти* и болѣе длительнымъ *лазити*, между *рѣзати*, Литов. *gėžti*, и *разити*, т. е. при предполагаемыхъ корняхъ *лаг*, *раг* врядъ ли слѣдуетъ принимать побочныя формы съ *й*, отъ коихъ пошли формы *лѣз*, *рѣз*. Жм. *rožyti* = *разити* можетъ быть заимствованнымъ. *Лѣзу* сравниваютъ съ Скр. *лани* ити (отличнымъ отъ *ланѣ*, *salire*, откуда *лява*, *лягуха* = *скакуха*), разумѣется, предполагая, какъ и слѣдуетъ, форму *лаг* болѣе древнюю, чѣмъ санскритская *лани*.

Д. и Ж. Гейтлеръ говоритъ: «отношеніе гласныхъ *е* и *о* подобно отношенію плавовыхъ *а* и *ж*, кото-

рые этимологически суть не что иное, какъ $e + m$, $e + n$ и $o + m$, $o + n$: *грамзѣти* и *грѣзити*, *) литов. *grėmsti* и *gramzdýti* Fon. § 88). Проводя далѣе сравненіе, мы должны бы сказать, что какъ *о* въ *носити* возникло не изъ *е* въ нести, а оба звука изъ *а*, такъ и *ж* не изъ *л*, а такъ что *л* есть ослабленіе того основнаго сочетанія *ам*, *ан*, замѣна котораго есть *ж*.

Спрашивается, до какой степени точно сравненіе $e: o = л: ж$? Начать съ того, что сравненіе *грамзѣти* съ *grėmsti* ошибочно въ томъ отношеніи, что литов. глаголъ есть дѣйствительный и, какъ такой, имѣетъ форму корня, которая является усиленіемъ по отношенію къ среднему начинательному *grimsti* = *грамзѣти*. Для полнаго сходства этихъ послѣднихъ слѣдуетъ только, по аналогіи со многими другими случаями, поставить вм. *грамзѣти* — *грамсти*. Отношеніе *grimsti* (сред.) ко *grėmsti* (дѣйств.), одинаковое съ *kilti* (подниматься) и *kelti* (поднимать), *birti* (высыпаться, о зернахъ изъ колоса) и *berti* (разсыпать), сколько извѣстно, не находитъ себѣ ничего соотвѣтственнаго въ Славянскомъ.

Такимъ образомъ изъ *ем* въ *grėmsti* не слѣдуетъ, что *л* въ *грамсти* заключало въ себѣ *е*, звучало какъ *е*; но и на оборотъ, въ виду случаевъ, какъ *szwentas* = *святъ*, нельзя заключать отъ *grimsti* = *грамсти*, что *л* = *і* (*им*). Вѣрно лишь то, что славянскому *л* соотвѣтствуютъ

*) По Гейтлеру (Fon. § 49) *грамзѣти* изъ *грамзѣти*, стало быть *грѣзити* изъ *грѣздити*? Такое мнѣніе, странное потому что предполагаетъ опущеніе *д* въ *зд*, между прочимъ предъ гласными (погразе), основано вѣроятно на томъ, что Шлейхеръ (Lit. Gr. 41) для лит. *gramzdýti* принимаетъ за корень *gramd*, согласно съ чѣмъ и о настоящемъ *grėmzù* (а не *-zdu*) догадывается, что это діалектическая форма вм. *grėmzdù*; но можно думать на основаніи литов. *grėmzu* и слав. *грамз*, *грѣз* совѣтъ на оборотъ, что *д* въ *gramzdýti* есть такая же приставка какъ въ *vėsdinti* (*ved*) *guldyti* (*gul*).

въ Лиг. и сочетанія *em*, *en* и *im*, *in*; каково же было дѣйствительное произношеніе *ж*, это можно рѣшить лишь на основаніи свидѣтельствъ самого Славянскаго языка.

Хотя *ж* есть начертаніе звука того Слав. нарѣчія, которое ближайшимъ образомъ имѣли въ виду изобрѣтатели письменъ, но разница между *ж* и *ѣ* предполагается всѣми Слав. нарѣчіями и въ этомъ смыслѣ эти звуки суть принадлежность Слав. языка во время его единства.

Какъ звучали общеславянскіе *ж* и *ѣ*?

Отложивши пока свидѣтельство Польскаго языка, я разсуждаю такъ:

Если о свойствѣ зв. *ж* заключать отъ южн. Слав. нарѣчій, гдѣ оно частью=*ei* (*e*), какъ въ древнемъ, а мѣстами въ нынѣшнемъ Хорут. (Mikl. V. Gr. I, 233—4), мѣстами въ Болг. (Hattala, O bugarskih nazalih, Književnik II, 463), частью=*e* (Болг., Серб., Хорут.); то въ общеславянскомъ *ж* слышно было *e*. Къ тому же ведетъ и пов.-Ниж.-Лужицкое нарѣчіе. Но если заключать отъ Полабскаго (Schl. Polab. Spr. 115—6), Верхне-Лужицк., Ст.-Чеш. Словен. и всѣхъ Русскихъ, то общеслав. *ж* имѣло въ себѣ *a* (я). Одно согласіе Русскихъ нар. съ наиболѣе удаленными отъ нихъ по звуковому строю западными, даже безъ Польскаго, наклоняетъ всѣхъ въ пользу предположенія, что общеслав. *ж*=приблизительно *ai*, *yi*.

Къ этому присоединяется вѣсть Польскаго языка. Знакъ *ę* (=ei) впервые замѣчается въ Поль. письменности лишь въ XVI в. (Mał. Gr. § 13). Въ XV в. звукъ *ж* выражается или посредствомъ *ai* (напр. въ Статут. 1449. *vrzandzicz, w klanthwe, dzeszanczyna, janth, wjancej* и мн. др.), или посредствомъ *a*, которое неможетъ быть принимаемо ни за что другое, кромѣ *ai*: *xandz ib.* и мн. др. Отъ такого произношенія *ж* мы заключаемъ къ произношенію болѣе древняго начертанія *φ*=*а*, какъ *ai*, *yi*: въ Псалт. Магг. *kszdz*,

ksfſza, znamſ и пр. Тоже подтверждаютъ и нѣкоторые нынѣшніе говоры. Въ однихъ и теперь слышится $i\bar{a}n = \bar{a}$ внутри словъ: *ſwianty wykłanty*, *Maſec. ib.* Въ Опольскомъ (въ Верхней Силезіи) $i\bar{a}n$, $a\bar{n} = \bar{a}$ удержалось на концѣ въ именит. ед. именъ ср. на $\bar{a}$ (=ант), какъ *ſela*, *lw'a*, а также въ *przeſa* (=przed *ſia*, литер. П. *przecie*; между тѣмъ въ другихъ случаяхъ $\bar{a} = e$ (*jęzik*) и o ($\bar{o}n$): *ſwiſt*, род. мн. См. *Lucian Malinowski, Beiträge zur slav. dialectologie. I, Ueber die Oppelnsche mundart, Leipz. 1873, 22—4.* Авторъ этого сочиненія, не обращая вниманія на свидѣтельство стар.-Поль. письменности, части нынѣшнихъ говоровъ и Полаб. (*diwangt* = девять), слѣдуя рутинѣ, что Ст.-Слав. $\bar{a} = e$, говорить, что въ случаяхъ $\bar{ſela}n = \bar{tela}$ Опольскій говоръ несогласенъ со Ст.-Славянск. (23) и что въ древнѣйшемъ періодѣ Польскаго яз., непосредственно примыкающемъ къ Ляшскому (Польско Полабскому), Ст.-Славянскому $\bar{a}$ соотвѣтствовало Поль. e . Между тѣмъ найти аналогіи для перехода $i\bar{e}$ въ $i\bar{a}$ въ области исторически извѣстнаго Славянскаго языка гораздо труднѣе, если только возможно, чѣмъ на оборотъ, для перехода $i\bar{a}$ въ $i\bar{e}$, $i\bar{e}$. По моему, Ополь. род. ед. *studnie* — изъ *studnię*, а это — изъ *studniā*. Подобнымъ образомъ въ древ.-Русс. $\bar{a} = я$ (a) вездѣ, неисключая род. ед. ж. именъ и мѣстоимен. (которая (-я) земля) и вин. мн. муж. (своя коня). Отсюда въ XIII—XIV произошло $i\bar{e}$ (которое землѣ, свое копѣ), что въ прилагательн. и мѣстоимен. до нынѣ сохранилось въ нѣкоторыхъ Зап. Мр. и Бр. говорахъ. Что въ Русскомъ произошло въ этомъ частномъ случаѣ, то въ Нижне-Луж. (гдѣ e , $i\bar{e}$ — изъ $я$, $a = \bar{a}$) вообще.

Обращаясь къ Ж. Пѣть спору, что u изъ Ж (Русс., Серб., Чеш., Слов., Верх. и Ниж. Луж.) предполагаетъ, какъ посредствующую ступень $\bar{u}$, которое дѣйствительно находимъ въ Полаб. *grünt*, *chlund* = хлѣдъ, хлудъ (*Schl. Polab. Spr. 118*), и что Хорут. $o = \bar{a}$ ближайшимъ образомъ возникло изъ $\bar{o}n$, существовавшего и въ другихъ нарѣчіяхъ. Но откуда же увѣренность, что

общеслав. значеніе **ж** было **он** (Jagić, Rad. XVII, 175)? Востоковъ въ 1820 г. заключая отъ нов. Поль. литер., что каждый изъ юсовъ имѣлъ первоначально въ Кирилловской азбукѣ по два звука: **ж**=**q** и **q**, а **ж**=**io** и **ie**, такъ что юсы различались не качествомъ гласной, а присутствіемъ или отсутствіемъ йоты, рассуждалъ совершенно правильно, согласно со своими данными. (Разсужд. о Слав. языкѣ, перепечатанное въ Уч. Зап. II отд. Ак. Наукъ т. II, в. 1, 8—9). Намъ же слѣдуетъ взвѣсить относительно **ж** слѣдующее. Въ Магарскихъ заимствованіяхъ изъ нарѣчія во всякомъ случаѣ ближайшаго къ Болгарской группѣ говоровъ **ж** передается не только черезъ **он**, **ом**, но и черезъ **ан**, **ам**, (galamb, pisztrang = пѣстр**ж**ъ, Mikl. V. Gr. I, 46). Въ нынѣшнемъ Хорутъ встрѣчается, впрочемъ какъ рѣдкость **ан** (obrank = +об-р**ж**къ, т. е. обр**ж**чь) Mikl. ib. 234. Тоже произношеніе юса большого, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, есть мѣстами въ Болгарскомъ. Въ Полаб. **ж** не только = **ун**, но и **ан**: poiank = +па**ж**къ, granst = хр**ж**сть, хр**ж**щъ, Schl. I. с. 119. Это согласно со стар. Польскимъ. Встрѣчаются русскія транскрипціи Польскихъ словъ, какъ банде (bandzie, нынѣ bedzie), воеводу Ланцицкого (Łączyca, нынѣ Łęczyca), воеводу Ланцищенскаго (Lancziciensem), въ памяти. 1501—5, по спискамъ нач. XVI, Ак. 3. Р. I, 224, 275, 277, *) подкрѣпляющія положительное свидѣтельство Статорія (1568 г.), что въ его время Поль. **ж** (= между прочимъ и **ж**-су) произносилось, какъ французское **ан** (Małec. Gr. 5). Само нынѣшнее начертаніе **ж** для **он**, какъ случай переживания, подобный нашему упорному сохраненію еровъ, говоритъ о болѣе древности произношенія **ан** (ib). Въ памяти XV в., рядомъ съ **ж** и **ан** для **ж** постоянно употребляется **ан**, **ам** (Statut. 1449: sand, samperz = с**ж**пърь). Въ болѣе древнемъ Псалт. Марг. при **q**=**ж** и **ж**, употребляемомъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ, есть и **ан**=**ж**: за-

*) Произношеніе тогда уже колебалось, потому тамъ же и хцуны (223), допускающъ (224), вѣнцей (225) ви. **ж**=**ан**, **ian**.

mant, zamantek (Nehring, O Psalterzu Florian'skiem, Poznan, 1871. Словарь). Въ нынѣшнемъ Поль. литератур. осталось, лишь какъ архаизмъ, *Sandemierz* = Русс. Судомиръ; но въ Опольскомъ говорѣ почти всякое *ж*, замѣнившееся въ Поль. литер. черезъ *с*, произносится еще какъ *ан*, *ам*, съ явственнымъ *а*: 1) внутри словъ послѣ твердыхъ: *kaś, gaśa, gaśa*; 2) на концѣ, въ винит. ед. именъ сущ. и мѣстоимен. ж. р. (*streną, sziją, na nią, swoją*) и въ 1-мъ л. ед. наст. вр. (*moga, bija*), *Malinow. 1. с.*

Въ нынѣшнемъ Поль. литературномъ и ближайшихъ къ нему народныхъ говорахъ, имѣющихъ только двѣ носовыя гласныя *о* (=оп, ом) и *е*, качество чистаго гласнаго элемента этихъ звуковъ, неимѣя отношенія къ различію *ж* и *д*, находится въ зависимости отъ такихъ условий, которыя немогли существовать въ древнее время.

Именно, *о* внутри словъ относится къ *е* приблизительно такъ, какъ Поль. *ё* и *о* къ *е* и *о* и какъ *Mr. i* (respect. *yo, jo* и пр.) къ *е* и *о*. Подобно тому какъ Поль. *о* (изъ *yo*) обязано своимъ различіемъ съ *о* противопоставленію слоговъ среднихъ прямымъ, возникшему лишь въ силу постепеннаго ослабленія и наконецъ исчезновенія конечнаго глухого звука (*wnoś, woś—wo-śu*); и различіе *о* и *е* въ *dob—de-ba* немогло существовать при двусложности слова *дѣ-бѣ*. Средній слогъ первоначально вызвалъ не качественное измѣненіе *а* (=ж и д), а лишь его долготу, какъ, противоположность краткости того же звука въ прямомъ слогѣ. На это есть указанія въ графическомъ удвоеніи носовой буквы: *sōōd* (Пс. Марг. Маѣ. Gr. 22), *cielōōt* (50-й Пс. по пергл. листку Свидзинскаго, болѣе древнему, чѣмъ Пс. Марг. Nehring, 1. с. 41). Изъ удлиненной нос. гласной *а* возникло *о* черезъ посредство нѣкоего дифтонга, какъ Кашибское и Мазовецкое *о* изъ долгаго *а* и какъ *о* (=у) изъ *о* черезъ *yo*. *) Въ этихъ случаяхъ Поль.-лит.

*) Ср. Латыш. *ō* (=o^a, y^a) изъ ан и Лит. *ū* (=y^a) изъ ан, ам. Bielenstein, Lett. Sprache 170.

сходится съ Опольскимъ говоромъ: въ обоихъ *dob, cieloł.* Носовой зв. въ прямомъ слогѣ сначала въ обоихъ оставался въ качественномъ отношеніи неизмѣннымъ, на что указываетъ и нынѣ Ополь. говоръ своимъ *a* въ *daBa, ciela;* потомъ въ Поль. ослабѣлъ до *e*. Отношенія эти въ дѣйствительности не такъ просты, какъ изображены здѣсь; усложненія ихъ отъ мало извѣстныхъ причинъ, между прочимъ отъ качества слѣдующихъ согласныхъ не уничтожаютъ однако намѣченныхъ выше очертаній явленія.

Еще очевиднѣе возникновеніе *o* изъ долгаго звука тамъ, гдѣ произошло не образованіе одного средняго слога изъ двухъ прямыхъ, а стяженіе двухъ слоговъ въ одинъ прямой. Между тѣмъ какъ въ окончаніи вин. ед. жен., гдѣ въ Ополь. *a* (*swoja łoska*), въ Поль. стоитъ *e* (*swoje łaske*); въ томъ же пад. при стяженіи и въ тв. ед. жен.—Поль. *o*: *mo, two, swo, swojo, lasko* (изъ *swoneiъ lѣскоiъ*). Это между прочимъ заставляеть меня держаться мнѣнія, отъ коего теперь отказался Миклошичъ, что въ Ст.-Слав. пам. твор. ед. ж. *swoneiъ рж коiъ* древнѣе, чѣмъ сходное съ вин. *swoiъ ржжъ* (Ср. Mikl. *Altslovenische Formenlehre in paradigm.* Wien, 1874, XXXII, 10—13).

Итакъ, я думаю, было время въ Польскомъ (еще въ XV, нач. XVI), когда въ замѣнахъ и *ж*, и *д* одинаково звучало *a*. Въ этомъ причина того, что въ древнѣйшихъ Поль. пам. оба юса изображаются однимъ знакомъ *o*, а вѣроятно и того, что переписчикъ русск. перевода Судебника кор. Казимира, конечно полякъ, на мѣстѣ *ж* ставилъ одно *a*: бѣдетъ, приведагъ, сѣдъ = судъ (Вост. Разс. 10—11) Въ памятникахъ Цер.-Слав. Болгарскаго характера, восходящихъ до XI в., то оба юса замѣняются однимъ большимъ (*ж*зыкъ и т. п.), то однимъ малымъ (*пѣгъ* ви. *пѣгъ*), то употребляются оба, но несогласно съ правиломъ, извлекаемымъ изъ сравненія яз. Остром. Еванг. и т. п. съ живыми нарѣчійми (Срезн. Пам. юс. письм. 155—6 et passim). Такое смѣшеніе юсовъ можетъ объясняться не только ихъ по-

совымъ характеромъ, какъ думалъ Востоковъ (Разс. 10), но и тождествомъ или великимъ сходствомъ ихъ гласнаго элемента, именно *а*. Если бы въ языкѣ писцовъ этихъ памятниковъ разстояніе гласныхъ элементовъ *ж* и *а* было таково, какъ между *у* и *я*, *у* и *е*, *о* и *е*, то смѣшенія юсовъ можно бы ожидать лишь какъ относительно-рѣдкой, личной ошибки.

Въ чемъ же состояло различіе юсовъ до начала этого смѣшенія?

Нерѣшаясь предположить, что *а* было всегда кратко, а *ж* всегда долго, я ограничиваюсь признаніемъ очевидной разницы, состоящей въ томъ что лишь первое изъ нихъ и смѣняло предшествующіе гортанные въ шипящіе. Въ этомъ отношеніи *а*: *ж* = *ь*: *ъ* = *е*: *о*. Въ Польскомъ позиційшія дифференцированія чистаго гласнаго элемента носовыхъ покоыли ихъ древнѣйшее значеніе новымъ слоємъ, но неупничтожили того ихъ различія, въ силу коего лишь замѣны малаго юса измѣняютъ *г* въ *гз*, палатализируютъ *л*, *б*, *п*, *м*, *в*, *з*, *с*, такъ что напр. по различіямъ, въ родѣ *pięto*—*piątr* и *reło*, можно безошибочно возсталять древніе юсы. Согласно съ этимъ мы можемъ принять, что и въ древ. общеслав. языкѣ вліяніе *а* простиралось не на одни гортанные, но и на всѣ согласные.

Строго говоря, звуковыя единицы подлежащія изслѣдованію въ *грати*—*грати* суть не *а*, *ж*, а *ра*, *рж*. *) Разница состояла здѣсь первоначально лишь въ качествѣ согласной, именно небнаго *р* (отличнаго отъ сочетанія *р-ј*) въ первомъ случаѣ и твердаго во второмъ. Палатализація предыдущей согласной лишь въ послѣдствіи, при раздѣленіи Слав. языка повліяла и на качественное измѣненіе гласной стихіи юса. Въ этомъ отношеніи Лит. *im* въ *grimsti* новѣе Слав. *ан* въ *грати*.

*) Въ другихъ случаяхъ мы рассматриваемъ палатализирующую согласную независимо отъ ея связей, напр. *гз* въ Поль. *Kazimierz*, *Włodzimierz*, т. е.—миръ=*миръ* не въ смыслѣ прил. притяжательнаго, а въ томъ же значеніи, что и—миръ.

Грѣсти и grimsti будучи различны по гласной, аналогичны въ томъ отношеніи, что въ обоихъ первоначально *средствомъ ослабленія фор. корня была палатализация согласной*. Такая ослабленная форма противопоставлена основной въ грѣз-и-ти, gramz-d ūti, занявшей мѣсто усиленія. Грѣз, по качеству чистой гласной стихіи (въ ам) равно, стало быть, не съ о въ *водѣти*, а съ болѣе древнею несохраняющеюся въ памятникахъ формою, заключавшею въ себѣ а. Такимъ образомъ равенство нес: нос=грамз: грѣз далеко не полное. Таковы же отношенія между *мѣсти* (Скр. manth а то, 3 л. ед. н., болѣе древнее—math-nā-ти, мѣшается жидкость, сбиваетъ масло) и *мѣтити* (между прочимъ—о паханьи масла). между *трѣсти* и *трѣсити*. *)

Принимая такой взглядъ на первоначальное различіе юсовъ, мы спрашиваемъ себя, какъ же различались они тогда, когда слѣдовали за j, какъ самостоятельнымъ согласнымъ звукомъ, напр. въ би-j-мъ и би-j-жъ, свое-j-мъ и свое-j-жъ, j-дзыкъ (Ст.-Поль. janzuk) и +па-j-жкъ (Ст.-Поль. pajank), до-j-жду (Пс. Марг. odjōd, dojōd)? Слѣдуетъ предположить, что и здѣсь разница состояла въ свойствѣ предыдущей согласной, т. е. j, ибо и этотъ звукъ, различія коего, взятаго отдѣльно, трудноуловимы, видоизмѣняется, подвигаясь отъ передней части неба, ближайшей къ основанію зубовъ, по направленію къ задней. Различіе двухъ j сказывается

*) Маловѣроятно мнѣніе Гейтлера о происхожденіи *трѣс* отъ корня *трам* (Лит. trimti дрожать) черезъ desiderativum (Fon. § 49, 1). Въ Лит. trim-ti относится Слав. *трем-еть* и Мр. *трѣм-т-и-ти*; ср. Лит. trėmti, топать и Вр. *тронать*, id. Между тѣмъ со времени Вонпа крѣпко стоитъ сближеніе *трѣс* съ Скр. *трас-а-ти*, *трас-ја-ти*, дрожать (черезъ +тра-н-съ изъ +трас-на γ. *трас-нѹ*, робкій) съ Греч. *τρέ(σ)ω* и Лат. *terr-eo* (изъ тарс-ajāми).

ихъ вліяніемъ и въ случаяхъ, какъ кѣндзь и кѣнджъ. Замѣчательно, что въ древнихъ Церк.-Слав. памятникахъ ни одно слово неначинается съ нейотированнаго *ж*.

Признавая первоначальное *ж* за *ан*, *ам*, предполагаю, что въ случаяхъ, гдѣ *ж* корня изъ *у*, *ун* подчинялось аналогіи съ большинствомъ случаевъ и перешло въ *ан*, *ам*. Такъ въ *бждж* (Ст. Поль. *bađa*) — изъ *бжу-н д*, а это изъ *бжу-на д*, *бжу-д на*, кор. *бжѹ*.

Подобнымъ образомъ тамъ, гдѣ сравненіе показываетъ въ корнѣ не *а*, а *і*, *ж* перешло къ своему звуку (*ан*, *ам* съ предъидущею небною) отъ *ин*, *им*. Такъ быть можетъ въ *сакнжти* (Русск. *сякнуть*, собств. начинать течъ, капать, оскудѣвать: «*jako woda siąknie w ziemię, tak niszczeje ludzkie plemię*», Kochan.). Въ Лит. начинательность выражена посредствомъ *н* въ темѣ наст. вр. *senku*, *sekti*, стекать, мельчать, сохнуть; въ Латыш. также (*sīku* изъ *sinku*), а равно и посред. суф. *t: sik stu*, *sikt id*. Въ Скр. *сич* (изъ *сик*), *си-н-ч-ати*, окроплять, увлажжать. Ср. безъ носовой въ корнѣ Вр. *сикнѹтъ*, налить и общеслав. *сыцати*, Лит. *szikti*, *scheissen*. Если въ основаніи *сжк* лежитъ *сик*, то *сжк* возникло изъ *сикк* по образцу Франц. *en=an* изъ *in*. Тогда *сжк* въ *сжжити* могло бы произойти изъ *сжк* лишь въ силу готовыхъ аналогій, какъ *мжг—мжт*. Это противорѣчіе правилу, что *ж* есть сочетаніе болѣе первообразное, чѣмъ *ж*, заставляетъ предположить, что *сжк—сжк* имѣютъ въ основаніи не *сик*, а *сак*, *санк*, впрочемъ сродное съ *сик*.

Здѣсь считаю умѣстнымъ слѣдующее замѣчаніе. Многие, въ томъ числѣ и Гейтлеръ (Fon. § 52), до сихъ поръ считаютъ загадочнымъ чередованіе въ корняхъ чистой гласной съ носовою (resp. съ *ин*, *ан* и г. п.), между прочимъ въ *сждж—спсти*, *лмж—лешти*, *обрлмжтж—обрлсти*. Нѣкоторые считаютъ эти носовые звуки усиленіемъ въ родѣ гуны. Я держусь того убѣжденія, что путь къ разрѣшенію этой загадки найденъ давно, именно, что указаніе на него заключено въ томъ взглядѣ Боппа на происхожденіе скр. глаголовъ 7 клас-

ся, по которому *чи-на-ѡ-ми* (кор. скид) изъ *чиѡ-на-ми*, а *чиѡндмас* (scindimus) изъ *чиѡндамѡс*, которое изъ *чиѡнд-на-мас*. По этому пути успѣшно шолъ Купъ (Zeitschr. f. V. Spr. II); сомнѣнія въ его вѣрности относительно объясненія ринезма именъ въ Греч. (Curt. Grundz.² 53—4) весьма слабы. Я немогу зѣсь приводить доказательствъ вѣрности этого пути и ограничусь нѣсколькими положеніями, открытіе коихъ въ общемъ приписываю вышеупомянутымъ ученымъ Боллу и Куну. Сравненіе глаголовъ съ носовымъ характеромъ внутри или внѣ корня въ скр. съ подобными глаголами въ Литов., Лат. и Слав. доказываетъ: а) что если не всѣ, то очень многіе глаголы въ этихъ языкахъ съ носовою согласною внутри корня на другую согласную произошли изъ глаголовъ съ носовымъ характеромъ специальныхъ временъ, стоявшихъ внѣ корня; б) что этою способностью глаголовъ въ арійскихъ языкахъ вѣдрять глагольный характеръ на (и ну?), бывший сначала наружнымъ, объяснима носовая согласная внутри корня множества именъ; в) что переходъ носоваго глагольнаго характера внутрь корня начавшись до раздѣленія обще-Арійскаго яз., продолжался въ разныхъ языкахъ долгое время послѣ ихъ выдѣленія, такъ что напр. въ Литовско-Латышскомъ можно насчитать болѣе 50 глаголовъ поглотившихъ этотъ характеръ уже послѣ образованія этихъ языковъ, такъ какъ въ Слав. этимъ глаголамъ нерѣдко соотвѣтствуютъ глаголы съ такимъ же характеромъ внѣ корня: литов. *li-m-ri* (неопр. *lipti*) = *липпѣ*. Замѣтимъ, что значеніе этого внутренняго характера въ Литов. Латыш. и внѣшняго въ Слав. тоже: средній залогъ и начинательность. *Сяду* и *лягу* значили нѣкогда сажусь и ложусь. Есть случаи, гдѣ поглощеніе носоваго характера есть явленіе специально славянское. *)

Итакъ, повторяю, если глаголы съ *м* и *ж* предполагають чистое *а* въ корнѣ, то на *ж* мы можемъ

*) Есть изрѣдка и *н* внутри чисто-фонетическаго происхожденія, какъ въ Поль. *między* изъ *między*.

смотрѣть, какъ на видоизмѣненіе основнаго сочетанія *an, am*, а на *л* — какъ на ослабленіе этого сочетанія, посредствомъ палатализаціи предыдущей согласной, и лишь затѣмъ — посредствомъ качественного измѣненія гласной стихіи юса.

4. *Позднѣйшія усиленія, по способу и времени возникновенія отличныя отъ вышеупомянутыхъ.* Усиленія эти мы раздѣлимъ на общеславянскія и специально русскія; послѣднія позднѣе первыхъ. Назначеніе тѣхъ и другихъ — сопровождать значеніе большей длительности глаголовъ, или, если угодно, символически изображать эту большую длительность, вмѣстѣ съ присвоенными ей характерами. Всѣ имена, заключающія въ себѣ эти усиленія, несомнѣнно отглагольны, такъ что можно сказать, что этого рода усиленія никакой другой функціи кромѣ вышеупомянутой неимѣютъ.

Относительно вѣроятнѣе первообразный разрядъ глаголовъ, въ коемъ впервые появляются рассматриваемыя здѣсь общеславянскія усиленія, есть разрядъ, имѣющій въ темѣ наст. врем. характеръ *je* = Скр. *ja* (4 кл. по счету индійскихъ грамматиковъ), а въ темѣ неопред. накл. — Слав. *a* и *ja*: *наричеши, нарицати*. Отсюда глаголы, сохраняя тоже усиленіе корня, переходятъ въ другой разрядъ, тождественный съ первымъ по характеру 2-й темы, но въ темѣ настоящаго времени имѣющій характеръ Слав. *ате*: *нарицаеши*. Обратнаго перехода допустить нельзя. Характеръ *aje* сближенъ Воппомъ (V. Gr. § 504, II) съ характеромъ X кл. *aja* (какъ и *и-ши, ѣе-ши*); по сравненію *рыдаѣж* = Лит. *gaudoju* = Скр. *рдѣжамі*, неговоря уже о различіи значеній (Скр. глаг. причинный, а Слав. и Лит. итѣть), страдаетъ тѣмъ, что вовсе необясняетъ происхожденія изъ основнаго *aja* трехъ славянскихъ характеровъ (*и-ши, ѣе-ши, ате-ши*) и нѣсколькихъ лиговско-латышскихъ. Поэтому гораздо лучше, какъ уже отчасти думалъ и Шлейхеръ, видѣть характеръ *aja* только въ Слав. глаголахъ $\frac{я}{я}$, $\frac{и}{и}$ и слав.

нивать $\frac{тѣ}{тѣ}$ и $\frac{тѣ}{тѣ}$ лишь съ Скр. отыменными на $\hat{a}ja$. Изъ этихъ послѣднихъ одни, спрягаемые по $\hat{a}tman\hat{e}pada$, уже въ Санскритѣ имѣютъ значеніе совершенно сходное со слав. глаголами на $тѣ$, или весьма близко подходящее къ значенію послѣднихъ, именно: становиться тѣмъ, или такимъ, какъ то, что означено первообразнымъ именемъ, вести себя какъ то, что означено именемъ *) Другіе, частью $\hat{a}tman\hat{e}p$. (гр. мед.), частью парасмѣядамъ (=греч. актив.), менѣе удобно опредѣлимые по значенію, подходятъ къ отыменнымъ слав. на $тѣ$; напр. *голодать*—испытывать голодъ къ Скр. *карунâja*-, быть въ жалкомъ состояніи. Минуя трудный вопросъ о происхожденіи $\hat{a}ja$, мы можемъ сказать, что если первоначально этотъ характеръ и разложимъ на $\hat{a}$, принадлежащее къ именной темѣ, или составляющее видоизмѣненіе ея окончанія, и на глагольный характеръ ja (Ворр. Krit. Gr. d. Sanscr. Spr. § 520); то въ Славянскомъ характеры $тѣ$ и $тѣ$ (и соответственные въ Лит. и Латыш.) уже представляются совершенно цѣльными и неразложимыми, при чемъ въ Славянскомъ передъ $тѣ$ мы можемъ въ извѣстныхъ случаяхъ распознавать смягченія, принадлежащія именной темѣ: *кашляю*, *вечеряю*. Глаголы $\frac{тѣ}{тѣ}$, кромѣ очень немногихъ сомнительныхъ случаевъ, остались и въ Славянскомъ отыменными; въ разрядѣ $\frac{тѣ}{тѣ}$ есть отыменные, но большинство, между прочимъ всѣ тѣ, въ коихъ есть позднѣйшія усиленія, отглагольны; лишь вслѣдствіе этой отглагольности эти глаголы означаютъ большую степень длительности.

Вслѣдствіе тѣсной связи и сходства глаг. $\frac{тѣ}{тѣ}$ и $\frac{тѣ}{тѣ}$ мы не будемъ здѣсь дѣлать между ними различія, приводя тѣ и другіе въ ихъ общей формѣ, а частью говоря только объ $\frac{тѣ}{тѣ}$.

*) «Въ конѣ (чьемъ тѣлѣ) раскрывается (какъ отрываясь глазъ, или распускается цвѣтокъ) добродѣтель дражайшая всего міра, тому огонь становится водою (*джалâjâtê* воденѣтъ т. е. не жжетъ, а прохладаетъ), Меру (гора) становится малымъ камышкомъ (*свалпâçilâjatê*), царь звѣрей

При образованіи этихъ глаголовъ отъ тѣхъ, которые принимаются по отношенію къ нимъ за первообразные, между прочимъ отъ *и*, остаются неизмѣнными въ качественномъ отношеніи коренныя гласныя: *а, и, у, ю, и, ѡ, ж*, за нѣкоторыми, быть можетъ, мнимыми исключеніями *ѣ*, и за нѣкоторыми же исключеніями *з* и *ѣ* въ корняхъ состоящихъ болѣе чѣмъ изъ двухъ согласныхъ съ конечною нѣмою: *мырк-не-, смеркатъся* и т. п. Можно думать, что отсутствіе качественныхъ измѣненій замѣнялось количественными, но заключенія объ этомъ отъ нынѣшнихъ Слав. нарѣчій къ общеславянскому языку по меньшей мѣрѣ трудны. Качественно измѣняются при этомъ только гласныя *ѣ, ѣ, е* и *о*, которыя мы рассмотримъ порознь.

1) *А. ѣ* усиливается въ *ѣ*: *дѣм(е ши)- дѣма-; сѣи* (ср. Серб. *засути, заснем=сѣи* и Русск. *сѣи* въ случаяхъ какъ *присѣи, Пересѣница* и др.) *сѣи-; ѣб(гѣнѣти)- ѣба; дѣи-нѣ дѣи-; сѣи-нѣ сѣи, мѣи-нѣти- мѣи* (*закрѣи, claudere* и *умѣи, умѣи*; для г. Южакова (Знаніе 1873 г. I) замѣчу, что это послѣднее слово съ корнемъ *мѣи* неимѣетъ прямой этимологической связи съ *мѣи-ка*, кор. *ман*, по другимъ *мѣи*); *тѣи-нѣ тѣи; нѣи-нѣ нѣи* (Поль. *odpuszcz* и пр. между тѣмъ какъ Русск. *ниѣи* предполагаетъ *нѣи-*); *лѣи(а) лѣи* (прилѣгати), *) *зѣи(а) зѣи, сѣи(а)- сѣи*, *сѣи* (сѣиши) *сѣи-*. Что *смыкатисѣи, serpere* относится какъ усиленіе къ *мѣи-нѣти* и должно бы писаться *сѣи-нѣти* (Mikl V. Gr. I, 144), это ошибка, которую Миклошичъ поправилъ отнесши *сѣи-нѣ* въ своемъ

(левъ) мгновенно становится антилопою (*кураиѣи-ѣи*, т. е. становится кроткимъ), зѣи принимаетъ свойства вѣи (*малѣи-гунѣи-ѣи*), ядовитый сокъ становится дождемъ амвросіи (*пиѣи-шаваршѣи-ѣи*). Бхартриѣи, Benf. Chrest. 165. Ср. также отъ прилагательныхъ *ниѣи-ѣи*, чернѣи, сѣи и пр.

*) Обязати (Mikl V. Gr. I, 139) могло появиться только подъ вліяніемъ нарѣчій, потерявшихъ различіе между *ѣ* и *и*. Тоже поглитати при глѣт (*и*).

словарѣ къ одному корню съ Лит. *smunku, smukti*. скользить (*iszsmukti — wysmyknać się*). Изъ этого однако еще неслѣдуетъ, чтобы мы должны были отказаться отъ взгляда на *з* въ *смыка*, какъ на усиленіе *з*. Правда, и *смыкнуть*, *smuknać* имѣть уже *т*, но мы должны обратить вниманіе на то, что глаголы на *нж* многократно подновлялись, что перѣдко они являются не первообразными по отношенію къ ^{аге}*а*, а производными, напр. *дыхнуть* отъ *дыхать*, между тѣмъ какъ послѣднее отъ *дыхнути*. Точно такъ мы должны предположить общеслав. глаг. *смѣкнѣ* (въ козмѣ *ъ* изъ *у*) и уже отсюда — *смыка*, отъ коего въ свою очередь *смыкну*. Предположеніе основано не только на аналогіи, что было бы недостаточно, но и на Хорут. *presmeknoti, pertransire* (Mikl. Lex. смыкати; *е=ъ*) и Вр. (Новг. Пск. Тв.) *смонуть* (съ опущеніемъ гортанной, какъ въ *двинуть*), шаркать ногами по полу, чесать напр. тѣло (-ся, парить-ся въ банѣ вѣниками), счищать пальцами или ладонью. Такой глаголь *смѣкнѣ* и по несовершенности, и по начинательности = Лит. *smunku*.

Такъ какъ я не признаю гласности *р*, *л*, то не могу согласиться съ Миклошичемъ, чтобы слѣдовало отдѣлять случаи усиленія *з* въ *з* (*зывать*) отъ случаевъ усиленія «гласныхъ *л*, *р* въ *зл*, *зр*, *рз* *сзлати* — *сзлати*, *нрѣти* — *понырати*, *брѣснѣти* *обрѣсати*» (V. Gr. 1, 142). Это случаи совершенно тождественные съ *зыва*-. О *понырати*, а равно и о Мр. *порин'ти* (перестановка вм. *понырати*), откуда *пурин'ти* (и по ошибочному предположенію, что корень *пур*-, — *пурнути*, *пирнути*), *виринати*, Вр. *нырать*, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Польскимъ *purzać się* (послѣднее и въ Русск. было бы *пураться*), замѣчу: форма усиленія *нзр*, подтверждаемая Врускою, свидѣтельству-етъ, что *нрж* предполагаетъ не *нърж*, какъ это нужно Гейтлеру, чтобы доказать, что Литов. форма *pergù, pėrti* предполагается славянскою, въ коей изъ *е=ъ* (Fon. § 68, стр. 44), а *нърж*, въ коемъ *з* изъ *у*, какъ видно изъ усиленія *пурити* (Поль., Русск.). Вѣстѣ съ тѣмъ

покирати, встречающееся только въ памятникахъ или позднѣйшихъ Сербскихъ, или довольно древнихъ, но южныхъ (Лавр. Опис. 32), должно быть признано позднѣйшимъ. Такимъ образомъ и Врусс. *пыратъ*, *пыратъ*, втыкать, вонзать, предполагаетъ не *търж*, что было бы полезно для большей близости къ Лит. *spigu*, *spirti* (и Гейтлеру *Fon. p. 43* изъ *sperti*), которое значить и топтать ногами, брыкать, а *нърж*. *Брысати* есть случай рѣдкій, выходящій изъ подъ правила, что *з*, *з*, стоящіе въ корняхъ болѣе чѣмъ изъ 2-хъ согласныхъ, при образованіи глаголовъ *-ти* остаются неизмѣнными. То же и о *лобызати* при *лобзати*. Наоборотъ, есть случаи, когда *з* въ корнѣ изъ 2-хъ согласныхъ остается здѣсь неизмѣннымъ. Сюда, кажется, Мр. «коровой *бгати*», если изъ *гбати*, на что указываютъ выраженія: Серб. «*гбати* *гбаниду*» (родъ пирога) и Врусс. «*загбать* *пирогъ*, обл. Вр. *сибень*, *загбень*, *загбѣня*, *пирогъ*, потому что раскатанное тѣсто *загбается* на начинку.

Мнѣ кажется очевиднымъ, что способъ образованія этого усиленія состоитъ въ появленіи *послѣ* усиляемаго *з* звука *и*. Это появленіе могло быть вызвано потребностью удлинить *з*, о которомъ, если не ошибаюсь, общее мнѣніе таково, что этотъ звукъ кратокъ и неспособенъ удвоиться, неизмѣнившись при этомъ качественно. Съ этимъ *зи* отъ *з*, какъ и съ ниже разсматриваемымъ *и* отъ *ь*, считаю аналогичными не столько тѣ случаи, когда *зи* происходитъ изъ *з+и*, данныхъ при сложеніи или совмѣстномъ произношеніи словъ (*добрыи* = *добрѣи*, *видѣхоти* = *видѣхомъ жи*), и не столько случаи постпозитива основнаго *о*, *е* въ Малорусскихъ говорахъ, еще замѣтной мѣстами (*вуйл*) и давшей въ результатъ Вост. Мр. *и* изъ *о*, *е*, сколько слѣдующій случай. Характеръ наиболѣе поздняго, по времени образованія, разряда глаголовъ *зѣва* возникъ непосредственно изъ *ова* (*изѣ* изъ *ева*), при томъ сначала—во 2 й темѣ, какъ показываютъ глаголы, какъ Сербск. *потписивати* — *потпису-jem*, Поль. *podpisywać* — *podpisuje* (формула ^{*uje*}_{*ьна*}), а по-

томъ, отъ второй темы, и въ первой, какъ въ Вр. гл. на *iwatешь*, *iwать* (*iwatешь* — *iwать*), Поль. *uwasz*, *uwaś* (*iwaś*). Образование этого глагольнаго характера, кажется, несовмѣстимо съ мнѣніемъ, будто исторія звуковъ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшихъ нарѣчіяхъ, есть только изложеніе механическихъ послѣдствій стремленія къ возможно-меньшей тратѣ силъ на произношеніе. Тутъ невидно ничего механическаго, а напротивъ замѣтно стремленіе разграничить въ разрядѣ ^{уе, юе} ^{ова, ева} глаголы отглагольные, отличные отъ своихъ первообразныхъ по степени длительности, переходящія въ Вр. въ ^{ывае, ивае} ^{ыва, ива}, отъ глаголовъ отыменныхъ, которые въ большинствѣ Врусс. говоровъ одни остаются при прежнемъ характерѣ. Въ Мр. классъ *ова*, *ева* принимаетъ еще оба рода глаголовъ. Для образованія *ыва*, *ива* употреблено нѣсколькими нарѣчіями тоже средство, что и для усиленія *з*, *ѣ* въ *зы*, *и* въ *корѣ*, то есть позиція *и*.

Б. *ѣ* усиляется въ *и*: *жѣѣ*(ж — *жива* (жевать), *жидж* — *жида*-, *зѣд-а* — *зида*, *лѣп* (лънуть) — *липа*, *мынж* — *миа*-, *нѣз-ж* — *низа*-, *чѣтж* — *чита*-, *жѣмж* — *жима*-, *жѣнж* — *жина*-, *чѣнж* — *чина*-, *мынж* — *мина*-, *пынж* — *пина*-, *тынж* — *тина*-, *кльнж* (3 согл. въ кор.) — *клина*; на этомъ основаніи *има* — предполагаетъ *ймж*, вмѣсто коего евфонически *имж*.

Какъ выше мы неотдѣляли случаевъ *сгла* отъ *зыва* и т. п., такъ и здѣсь считаемъ тождественными случаи какъ *жида*-, съ такими какъ *мира*. Формы усиленій *мира*-, *вира* (*claudere*), *стира*-, *тира* — предполагаютъ общеслав. формы *мырж*, *вырж*, *тырж*, *стырж*, *тырж*, которыя стояли бы прочно, даже если бы и во все неподтверждались Стар.-слав. памятниками. Я считалъ бы ошибочнымъ производить *ивз* *мира* отъ 1-го *е* въ *мереть*, или отъ звука предполагаемаго еремъ въ *мырж*. *Измилиати* предполагаетъ не *мел* — въ *мелж*, а *мл*-, взятое изъ одной изъ тѣхъ формъ, въ коихъ Польскій языкъ указываетъ на присутствіе глухого зву-

ка: *мію*, *меѣа*.—*дира*-, *пира*-, *бира*-, *стила* имѣ-
ють основаніемъ не ту форму корня, которая въ на-
стоящемъ *держ*, *перж*, *берж*, *стелж*, а ту, которую
мы должны предположить въ неопредѣленномъ *дыр*-а-ти,
пыр а-ти, *стыл* а-ти; по моему мнѣнію въ этихъ глаго-
лахъ *ора*-, *пра*-, *бра*- не—суть какія-либо видоизмѣненія
корня (по Микл. усиленія V. Gr. I, 144), а корни *дыр*
и *пр*. съ глагольнымъ характеромъ *а*, какъ въ *ожидати*.
Зира, *мира*-, предполагаютъ *зыр*-ѣ-ти—*зыр* и-ши, *мын*-ѣ-
ти-, *мын*-и-ши. Мнѣніе Гейтлера, что *дира*-, *бира*-,
пира-, *стила*-, *мира*-, возникли посредствомъ ослабленія
ѣ (происшед. изъ *е*) въ *и*, стало быть изъ *быра*-, какъ
нарица- изъ *нарѣци* при рек, Fon. § 90), считаю оши-
бочнымъ.

Въ Малорусскомъ (т. е. въ большинствѣ говоровъ)
мы ожидаемъ здѣсь встрѣтить на мѣстѣ общеславянска-
го *и*—среднее *и*; но рядомъ съ этимъ звукомъ (*визирати*,
простилати и пр.) и въ говорахъ (восточ.), и на
письмѣ, въ дѣйствительности встрѣчаемъ и острое *і*:
висірає, Метл. 101, *збірай*, Ном. посл. 110, *вмірають*.
Ном. 140, *підпірай*, Метл. 127. и пр. Кажется, что
это неестъ неточность выговора, или вліяніе общелите-
ратурнаго языка, а діалектическое подновленіе усиленія
и, соотвѣтствующее Польскому *ie* изъ *і* въ *zbieraє*,
wywieraє и Слов. *ie* въ *sbierat'*, *postielat'*, *umierať*,
natierať.

О происхожденіи усиленія *и* изъ постыотации *ѣ*,
аналогично съ *и* изъ *е* въ Вр. *нашивати* изъ *нашева-*
ти, было уже упомянуто выше.

В. е усиляется въ ѣ: рек- *ръка*; греб- *грѣба* и
пр. (Mikl. V. Gr. I, 134). Ъ въ *лѣта* изъ *лет* нахо-
дилось въ этомъ глаголѣ еще тогда, когда онъ принад-
лежалъ не къ разряду ^{ае}а, а къ ^{іе}а (какъ въ Серб. *лије-*
ћем, *лијетати*). Усиленіе *е* въ ѣ общеславянское.
Исключеніемъ служить Нов.-Болг., гдѣ *е* происшедшее
изъ *а* (*редиж*, *стегнж*, *впрегнж*, *клучж*), наравнѣ съ *е*
основнымъ (*лежж*), усиляется въ ѣ=я: *наряждам*, *стя-*
гам, *впрягам*, *клякам*, М. Дриковъ въ Період. спис.

на Бѣлг. Книж. Друж. I кн. 9—10, 74. Оно сохранилось въ Мр., гдѣ въ большинствѣ говорѣвъ *і* изъ *ѣ*: *закітѣ-*, *вигрѣбѣ-*, *вискрѣбѣ-*, *застѣбѣ-*, (застѣбнути), *замѣтѣ-*, *заплѣтѣ-*, *витѣтѣ-* («потікають слізки»), *нарѣтѣ-*, *тітѣ* (конопли ср. *тепсти*), *літѣ-*. Что это не — есть видоизмѣненіе *и*, а *і* изъ *ѣ*, указываютъ Сѣверо-Запад. Мр. формы какъ *утѣкати*. Вост. Мр. *лягати* вм. ожидаемаго *лігати*, которое тоже встрѣчается на югозападѣ, неправильно образовано не отъ *лєг*, а отъ *лѣг* = *ляг* (*лягати*, ляжу). Въ Врускихъ говорахъ, на которыхъ въ этомъ случаѣ основано правописание литературнаго языка (*лєгати*, погребати, налєгати, замєтати, припєкати, заплєтати, протєкати и пр.), рассматриваемое усиленіе незамѣтно потому, что Юзр. говоры, вслѣдствіе неударяемости коренной гласной въ этихъ глаголахъ, лишены средствъ различать *е* и *ѣ*, какъ различаются эти звуки въ *вѣзѣ*, *нѣсѣ* и *лѣзѣ*, *плѣзѣ*. Что формы *лѣтати* и пр. предполагаются и Врускимъ, это видно кромѣ общихъ соображеній о древности этого усиленія, еще изъ того, что въ Вр. говорахъ сохранилось *а* изъ *ѣ* послѣ шипящей въ *жагати* (Пск. Твер. и др.), жалити, колотѣ = Ст.-слав. и др. Русск. *жагати*, *всєсѣжагаємѣ*, *сѣжагати*, Кир. Тур., Калайд. пам. 113 (вм. *жѣг*, предполагающаго *жєг*, между тѣмъ какъ *жизати* и Вр. *жигати* можетъ быть прямо изъ *ѣ* въ *жыж*). Принимая, что *жаг* вм. *жыг* изъ *жєг*, а тѣмъ самымъ расхожусь съ тѣмъ объясненіемъ, по которому *жыг* изъ *гы*, а это изъ *гаг*, а отъ *жыг* — *жыг* (Geitl. Fon. § 78).

Что касается до другой формы усиленія тогоже *е*, именно *и* (*погрибати*, *заплитати*, *нарицати*, *истицати* — истичъ), извѣстной по Ст.-Слав. памятникамъ, то изъ того, что она совершенно равносильна съ *ѣ* (*погрѣбати*) еще неслѣдуетъ, чтобы въ ней *и* предполагало *ѣ*: какъ *и*, такъ и *ѣ* могли возникнуть независимо другъ отъ друга въ разныхъ говорахъ для одной и тойже цѣли. Форма съ *и* передъ твердою согласною (*заплитати*), сколько извѣстно, не оставила слѣдовъ

въ Русскомъ языкѣ. Что до формы *нарицати*, то и здѣсь могло быть и въ Русс., и исчезнуть вмѣстѣ съ этою формою глаголовъ, состоящею въ смягченіи конечныхъ гортанныхъ корня *и*, *к*, *х* въ *з*, *ц*, *с* передъ характеромъ 2 й темы *а=я*.

Г. Въ старинныхъ памятникахъ встрѣчается явленіе, котораго я немогу иначе назвать, какъ усиленіемъ *ъ*, принятаго за основное, въ *и*, равносильнымъ съ усиленіемъ *е* въ *ю*: отъ *смѣхъ* — *насмисаються* Лавр. 75, *посмихаяся* ib. 84, *насмисаніе*, Кир. Тур. Калайд. памят. 122. Въ извѣстномъ по Ст.-слав. памятникамъ процвѣтати (процвѣтають, Кир. Тур. ib. 22) *и* можетъ быть усиленіемъ не только *ь* въ *цвѣтъж*, но и *ъ* въ *цвѣсти* — *цвѣтъж*. Ср. *ривати* (народъ риваахъ, другъ друга, кѣто прѣвое прикоснетъ сѣ къ нему, Супр. 13, 28) — не отъ *ринжти*, а отъ *ръяти*, толкать. Нѣсколько относящихся сюда примѣровъ въ Нов. Болг.: *излѣзам* (отъ *лѣз*, между тѣмъ какъ *излѣзѣнам* отъ *лаз*), *обличам* (отъ *вльк*, а *облачам* отъ *влак*), *намѣрам* (отъ *мѣр*), *отсичам* (отъ *сѣк*), *засмивам* (отъ *смѣ*). Тамъ же есть и *и* изъ основ. *е*: *препичѣам*, *заплитам*, — *тичам* (сигго), *измѣтам* при *измѣтам*, — *льгам*.

О происхожденіи *ъ* изъ *е* Миклошичъ такого мнѣнія: «что *лѣтати*, *вѣсити*, изъ *лет*, *вис*, стоятъ вм. *лѣатати*, *виасити*, это, по видимому, должно бы казаться сомнительнымъ тому, кто вспомнить о сродствѣ *ъ* съ *еа*, *иа*, *іа*, доказанномъ многими явленіями; такъ и *мѣнити* изъ *мѣи* стоять вм. *мѣанити*, *мѣнити*. Конечно, въ пользу Шафарика, по которому *мѣна*, *вѣри*, *хлѣбъ* — изъ *маина*, *ваира*, *хлаибъ*, говорить *цѣсарь* изъ *хѣсар* и вообще *ъ* вм. Греч. *αι*, далѣе — возникновеніе повелительнаго *плетѣте* изъ *плетеите* и Ново-словенское *ej* и *aj* вм. *ъ*: *rejš se v tešlo oblejkla*, *zgrajzan* (срѣзанъ); по противъ него — тѣсная связь между *ъ* и *іа*, подтверждаемая отдѣльными явленіями въ Ново-слов. *seadba* (сѣтьба), *casar* (цѣсарь) *roveadal* (повѣдалъ)» (V. Gr. I, 147—8).

Изъ вышеизложеннаго видно, что я, согласно съ Шлейхеромъ (Сопр. § 83, 2), не считаю возможнымъ прилагать одну и ту же мѣрку къ явленіямъ, которыя признаю разновременными, именно: съ одной стороны—къ древнѣйшему *въсѣти*, *мѣнити* (не изъ *мѣн*, а изъ потеряннаго *мин*, или *мін*, которое есть видоизмѣненіе древнѣйшаго *ман* и не должно быть смѣшиваемо съ *и* изъ *ѣ* въ *поминати*), гдѣ *н* есть гуна *и*, какъ и *н* въ повел. *плетѣте*—прямо изъ *аи*, а не изъ *еи*; съ другой—къ болѣе новому *мѣтати*, гдѣ *н* предполагаетъ слав. *е*. Сродство *н* съ *іа*, тутъ ничего незначить: *іа*, *еа* возникло изъ *н* на почвѣ отдѣльныхъ Славянскихъ нарѣчій, исключая тотъ случай, когда уже въ древнѣйшихъ Ст.-слав. памятникахъ стоитъ *а* вм. *н* послѣ шипящихъ и *ј* (пишате, жагати, бизате). *еј* вм. *н* есть тоже относительно позднее явленіе, несмотря на то, что кажется болѣе близкимъ къ *аі*, откуда *н*, чѣмъ къ *н*=*ѣ*, подобно тому какъ Чеш. *au*, *ou* (*tour*) есть специально-чешскій звукъ изъ болѣе древняго *у* (*и*), хотя это послѣднее во многихъ (Гейтлеръ—во всѣхъ) случаяхъ возникло изъ *ау*.

Для объясненія происхожденія позднѣйшаго *н* изъ *е* имѣется два пути. Во-первыхъ, можно строго держаться Шлейхерова выраженія, что это *н* есть удлинненіе *е* (1. с.), что стало быть *мѣтати*—изъ *меетати*, при чемъ можно бы сослаться опять-таки на предположеніе, что *нѣсмь*—изъ *неесмь* посредствомъ опущенія *ј*, мѣшавшаго сліянію двухъ *е*. Во-вторыхъ, можно взять за образецъ Греч. *εἶρη* вм. *ἔσρη*, указываемое тамъ же Шлейхеромъ, т. е. принять: а) что аористы *нѣсѣ*, *вѣсѣ* (Mikl. Vergl. Gr. II § 118, 130, 140, 142, 146) возникли изъ *нес-сѣ*, *вес-сѣ* (а это изъ *вед-сѣ*), такъ что *с* вокализировалось въ *е* (или опущеніе *е* было вознаграждено удлинненіемъ предыдущаго *е*), а изъ *ее* возникло *еи*, загѣмъ—*н*; подобно этому, въ аористахъ *цвисѣ*, *чисѣ* (*ib.*), если они отъ *цвѣт*, *чѣт*, *и* возникло изъ *ѣи*; б) что въ *мѣтати* *н* тоже изъ *еи*, въ коемъ *и* возникло уже не какъ замѣна согласной, нетерпимой передъ другою подобною, какъ

въ *тъсѣ*, а какъ слѣдствіе стремленія къ удлинению *е*. Такимъ образомъ средство усиленія *е* было бы здѣсь тоже самое, что въ усиленіи *ѣ*, *ѣ* въ *зи*, *и*. Принимая это, можно бы допустить и то, что *ъ* въ *нѣсмѣ* можетъ быть вовсе не прямо изъ *не-есмѣ*, а изъ *не-исмѣ* (съ превращеніемъ *је* въ *исмѣ* не въ *ј*, какъ въ *пейсемъ*, а въ *и*). Какъ при этомъ было бы объяснить параллельныя формы *заплѣтати* и *заплитати*? Что *и* можетъ возникнуть изъ *еи*, это видно изъ частицы *ни*=Лиг. *неу*, а почему изъ *еи* неvyšло во всѣхъ случаяхъ чего-нибудь одного, т. е. или *ъ*, или *и*, такъ на это можно отвѣтить, предположивши причиную тоническую разницу въ дифтонгѣ *си*: перевѣсъ перваго элемента даетъ *ъ*, перевѣсъ втораго — *и*. Если дѣйствительно никогда не встрѣчается *млѣцати*, *рпѣцати* (Mikl. V. Gr. I 135), а всегда — *тица*, *рица*, и если, на оборотъ, всегда *тъка*-, *ръка*-, то готово заключеніе, что въ *тицати* (изъ *+теицати*) перевѣсъ элементу *и* дается мягкостью слѣдующей согласной. Постѣйотацией можно бы объяснить и *и* изъ *ъ* въ *насмисатисѣ*: *нѣ*=*и*, отчасти сходно съ тѣмъ, какъ въ Польск. *ъ* удерживается при звукѣ *ѣ* небностью слѣдующей согласной. Въ третьихъ, допустить, что *ъ* изъ *е* и *и* изъ *ъ* возникли въ силу предѣйотации *е* и *и*, мѣшатель какъ аналогія съ *зи* изъ *ѣ* (посредствомъ *зи*), такъ и то, что *ј*+*ѣ* даетъ въ историческое время только *ѣ*, а *ј*+*ѣ* даетъ только *и*: ср. дрѣмляте (мля=мѣѣ) съ мѣтати.

Д. *о*—*а*. Оставляя пока въ сторону вопросъ, можно ли и здѣсь говорить объ усиленіи *о* (принятаго за основной звукъ) въ *а*, замѣчу объ отношеніяхъ *бости*-, *пробадати* слѣдующее. Перечисленіе глаголовъ какъ *бадати* у Гейтлера (Fon. § 90) для насъ вновь свидѣлствуетъ, что только обращая вниманіе на функціи усиленій и на качество формъ, въ коихъ они встрѣчаются, можно уберечься отъ смѣшенія разновременнаго и разнотоннаго. Тамъ при *гони*-, *изгнати* стоятъ: *водити* и (не *важдати*, какъ бы слѣдовало), а *взвадити*, *полити* и (не *палати*, а) *опалити*. Между тѣмъ *вадити*

и *палити*, о которыхъ нами уже упомянуто выше, принадлежатъ къ другому, болѣе древнему порядку, чѣмъ *палити*. Усиленія послѣдняго рода никогда неизмѣняющаго залога первообразнаго глагола, что однако имѣло бы мѣсто если бы *палити* точно относилось къ *палѣти*, какъ къ своему первообразному. *Стаяти* выставлено у Гейтлера, какъ усиленіе отъ *стояти*, между тѣмъ какъ *статати*—*статеши* (Русск. *ставать*, *стаешь*), становится, произведено вовсе не отъ *стояти*, а отъ *стати*—*станѣ*. Кстати замѣтить, что только упуская тѣсную связь, существующую между *ста-ј-ати*, *ста-ј-еши*, *да-ј-ати*, *да-ј-еши* и *ста-в-ати*, *статеши*, *да-в-ати*, *даеши*, можно вмѣстѣ съ Гейтлеромъ (§ 92, 1) невидѣть истины давнишняго мнѣнія, что *в* въ неопред. 2-хъ послѣднихъ глаголахъ есть такая же эфоническая вставка, какъ *ј* въ первыхъ: ср. *мѣтати* и *помавати*, *бѣтати* и *обавати*, *дѣтати* и *сѣдѣвати*, *грѣтати* и *сѣгрѣвати*. Гейтлеръ дѣлаетъ открытіе, что *давати* не отъ *да*, а отъ *ду*, на томъ основаніи, что въ Литовскомъ *да* перешло въ разрядъ корней на *у*; но въ Литовскомъ уже первообразный глаголъ есть *dūmi*, *dūti* и имена, какъ *dūtis*, имѣютъ уже *ū*; между тѣмъ въ Славянскомъ глаголѣ *дамь*—*дати* и существит. *-да-ть* (*пѣдати*) стоитъ *а*. Точно такъ и *ставити* есть причинный глаголъ при *стати* и *сто-ѣ-ти*, и предполагаетъ форму корня не *сту*, а *ста*. Для доказательства, что *ставити* отъ *сту*—Гейтлеру нуженъ литов. глаголъ *stowėti*; но функція послѣдняго въ Слав. исполняется глаголомъ *стояти*, въ коемъ никакъ неможегъ быть усмотрѣнъ корень *сту*. *Ставити* относительно *в* образовано одинаково со *ставъ*, а это какъ *зп-въ*, *дп-въ* (*odziew*).

Имѣя въ виду одинъ современный литературный Русскій языкъ и Ю. Вр. говоры, можно бы думать, что если встрѣчаются при формахъ съ усиленіемъ *а* (*клянаться*, *тачать* (сапоги), *скакать*, *полагать*, *догадать* и др.) формы съ *о* (*ломать*, *выростать*, *помогать*, *замокать* и пр.), то это происходитъ лишь отъ

смѣшенія неударяемаго *о* съ *а*; но при болѣе обширномъ кругозорѣ оказывается, что стремленіе обходиться въ этомъ случаѣ безъ усиленія независитъ отъ упомянутой фонетической причины, что оно существуетъ издавна и въ разныхъ нарѣчіяхъ. Уже въ Стар. Русск. памятникахъ при правильныхъ усиленіяхъ (прашати Ип. 37 въпрашаніе, въпраша, Впраш. Кюрик. Калайд. пам. 181, прашахъ, прашавъ іѣ. и Русск. Правд. Сян. Русск. дост. 34 (спрашивать); *одалати*, Лавр. 93, Кир. Тур. Калайд. Пам. 46; *пробадається* Кир. Тур. іѣ. 113; *изнемагаю* іѣ. 30, *помагати*, Лавр. 93, Русск. Пр. дост. I 30 и др.), находимъ *прошали*, Новг. I, 62 *помогаєтъ*. Ип. 37, *помогати*, Русск. Прав. дост. I 29 и др. Въ вост. Малорусск. усиленія: *помагати*, *доганяти*, *полагани копиці* (покладены), *ламати*, *хапати*, *скакати*, *плавати* скорѣе составляютъ архаизмъ, чѣмъ правило, въ виду: *виростати*, *утопати*, *відробляти*, *прохати*, *виношати*, *похожати*, *підклоняти*, *умочати* и мн. др. Въ Запад. Мр. и въ Галиц. встрѣчаемъ однако *проважала*, Метл. 180, *выпроважала*, Костом. въ Сб. Морд. 181, *канати* Костом. іѣ. 212, *порастає*, Голов., *утанати* Осадца, *пращай* (Въ Сборн. 1076 *праштай*, Бусл. Хр. 292). Ср. также въ Серб. *вѣдати*, *созати*, *гонати*, *затворати* и др. съ *о*, а не съ *а*.

Такъ какъ вышеразсмотрѣнныя усиленія *и*, *ѣ*, *ѣ* предполагають уже славянскіе гласные *ѣ*, *ѣ*, *ѣ*, то мы склонны бы были думать съ Миклошичемъ, что и *а* въ *кланѣ*- и пр. возникло изъ *о*, равно какъ *а* въ аор. *пробасѣ* (бод)—результатъ усиленія *о* (Mikl. V. Gr. 1, 137). Это усиленіе, однако, врядъ ли было простымъ удлинненіемъ, такъ какъ трудно понять, какъ изъ *двухъ о* можетъ выйти *а*? Развѣ предположить общеславянскій дифтонгъ *оа* (изъ *о*), въ которомъ второй элементъ поглотилъ потомъ первый?

Другое мнѣніе состоитъ въ томъ, что здѣсь (*доганяти*) «дославянское *ѣ* усиливается въ *ѣ*» (Geitl. Fon. § 90). Къ этому Гейтлеръ прибавляетъ: «очевидно, что не всякое *о*—*а* указываетъ на дославянское *ѣ*—*ѣ*, и что

нѣкоторыя усиленныя формы (*stupňované tvary*) возникли лишь по аналогіи съ вышеприведенными (какъ *гонити*—*ганяти*). Три изъ 4-хъ приводимыхъ имъ примѣровъ ведутъ къ заключенію, что къ позднѣйшимъ, образованнымъ уже изъ *о* (а не *ѧ*) по аналогіи, относятся тѣ случаи, въ коихъ усиляется второй гласный звукъ *о*: повторити—повѣтарити, свободити—свобаждати, гонозити—гонажати; 4-й приводимый имъ примѣръ двоити—раздважати совершенно однороденъ съ *ганяти*, но его можно замѣнить отношеніемъ *говорити* къ Серб. *одговарати*.

Относительно этого мнѣнія замѣчу слѣдующее: формы какъ *ганяти* и т. п. по всему составляютъ такую же особенность Слав. языка относительно формы усиленія корня, какъ *дымати*,—*чинати*,—*мѣтати*. Лит. глаголы приблизительно соотвѣтствующіе Славянскимъ *-нашати*, *-важати*—*-важдати*, или вовсе неимѣютъ усиленія (*neszioti*), или имѣютъ только *а*=Славянск. *о*, а не *о*=Слав. *а*: *wadžioti*, *wažioti*. Что же до Литов. *poszczioja*, поговариваютъ, рассказываютъ (*neszti*), то оно по строенію составляетъ особенность Литовскаго языка. Согласно съ этимъ, даже допуская, что Слав. *о*—*а* возникло изъ *ѧ*—*ѧ*, нельзя было бы назвать этой послѣдней пары звуковъ дославянскою, а напротивъ нужно бы счесть ее принадлежностью общеславянскаго языка и принять, что въ то время, когда по выдѣленіи Слав. языка въ немъ уже были звуки *е*, *ѣ*, *ѧ*, (*метѣж*, *чѣнѣж*, *дѣмѣж*), на мѣстѣ *о* въ *гонити* стояло еще *а*.

2) Перечисленіе случаевъ позднѣйшаго усиленія въ глаголахъ закончу указаніемъ на специально Русскіе.

Большая часть Врускихъ говоровъ и Русск. литературный языкъ нашего времени распространяютъ усиленіе *а* на глаголы

<i>ывае</i>	<i>ивае</i>
<i>ыва</i>	<i>ива</i>

 (выраивать и пр.), при чемъ характеристично: а) что въ предъидущемъ разрядѣ ^{ас}*о* удерживается, если оно одно—*большею частію* (ро-
нять, рожать, затворять, укорять, умолять, поклоняться—при кланяться) и если это *о* есть второе (въ полно-
гласныхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ)—*всегда*: ворб

чать, готовить; б) что въ ^{мвас, мвас}_{мва ива}, если корень первообразной формы заключаетъ въ себѣ два о, или два гла ныхъ звука, изъ которыхъ только 2 й есть о, вслѣдствіе ли полногласія или вслѣдствіе отнесе-пія суффикса къ корню, что въ такихъ глаголахъ а становится на мѣстѣ второго о: заворачивать (но во-рѣчать), укорачивать, выколачивать и пр., пригото-влять, нагроможживать (громоздить, нагромождать), про-борматывать; в) что изъ правила «ронить, ронять—выранивать» неисключаются тѣ о, которые произошли на Русской почвѣ, изъ того ѣ, которое въ Ст.-Слав. при образованіи глаголовъ ^{аіо}_а остается неизмѣннымъ: молчать, помалчивать, толкать—выталкивать, вздрагивать, проглатывать, взбалтывать, выдалбливать, помалчивать, помаргивать, намаршивать и пр. Для меня неподле-жить никакому сомнѣнію, что эти послѣдніе случаи могутъ быть отнесены не раньше, какъ ко времени замѣны глухихъ чистыми, стало быть къ XIII—XIV вѣ-ку, т. е. ко времени, когда о въ языкѣ давно уже су-ществовало. Къ какому времени относится а въ полногл. словахъ (заворачивать и пр.), это опредѣлить трудно, но можно думать, что и оно гораздо новѣе второго о въ оро, оло. Въ старинныхъ памятникахъ при *угани-валъ*, Лавр. 104, *пристраивати*. Новг. 1, 40, *укари-вахуть*, Ип. 85 (столь же древнихъ, какъ и удержа-ніе усиленія ѣ въ и въ *испиривати*, Вьпраш. Кюр. Калайд. 185, при *испрати*), нахожу не только под-молвливашеть, Ип. 81, ся оборочивая, ib. 56, но и *пристроивайся* Л. 41, *створиваше*, ib. 82.

Такое удержаніе въ отглагольныхъ глаг. ^{уе, юе}_{ува, юва} основного о, будетъ ли оно единственное, или второе, составляетъ правило въ Вост. Малорусскомъ и, если не ошибаюсь, во многихъ мѣстностяхъ заднѣпровья *підіюлювати*, *видіювати*, *засміювати*, *підсміючувати*, *ви-додіювати*, *дотдіюватися*, *випоріюженювати*, *домоло-чувати* и пр. Замѣчательные случаи, въ коихъ глаголы ова, ева какъ бы отказываются отъ усиленія, которое

однако сохранилось въ глаголахъ ^{а^е}_а, напр. *го^{а^е}ити*, *га^{а^е}няти*, *до^{а^е}юнявати*; *ко^{а^е}їти*, *ка^{а^е}чати*, *з^{а^е}кочувати* (у Квит. по изд. Кулиша «позакачували рукава» — ошибка); *кло^{а^е}нити*, *кла^{а^е}нятись*, *підкло^{а^е}нювати*; *мо^{а^е}чїти*, *ві^{а^е}мачати*, *ви^{а^е}мочувати*, *ло^{а^е}мїти*, *ла^{а^е}мати*, *відло^{а^е}млювати*,^е объясняются тѣмъ, что всѣ эти глаголы на *уа*, *юа* отнесены, какъ къ первообразнымъ, не ко глаголамъ съ характеромъ *а*, а ко глаголамъ ^и_и, то есть *ло^имлювати* — не отъ *ла^имати*, а отъ *ло^имити*. Если бы отъ *ла^имати*, въ коемъ удержано усиленіе, былъ образованъ глаголѣ *ова*, то онъ бы звучалъ (од-) *ла^имувати* (какъ и есть), какъ отъ *ска^икати* — *підска^икувати*. Только близъ границы Мр. нарѣчія съ Вр. встрѣчается и въ Мр. усиленіе *а* въ случаяхъ *вигаварувати*, Рудч. Ск. 1, 47. Напротивъ, многіе (но не всѣ) говоры Бѣлорусскіе раздѣляютъ съ Мр. отсутствіе въ этихъ случаяхъ усиленія *а*.

Хотя Малорусское измѣненіе *о* въ *і* (resp. *уо*, *у* и пр.), *е* въ *і* (resp. *је*), заведомо фонетическаго происхожденія, но при образованіи глаголовъ болѣе длительныхъ, гдѣ оно неусловлено качествомъ слога, т. е. стоитъ въ слогѣ прямомъ, оно, мнѣ кажется, должно быть разсматриваемо какъ этимологическое усиленіе (Зам. о Мр. нар. 36). Случаевъ съ *і* изъ *о* мнѣ извѣстно всего два. Въ обоихъ *і* изъ втораго *о* глаголовъ съ полногласіемъ, въ которомъ, какъ извѣстно, *о* обыкновенно остается неизмѣнимымъ даже въ среднемъ слогѣ (город, а не горід): *вы^оволікати* и «*посполіску^о дош^о*». Случаевъ съ *і* изъ *е* больше, при чемъ *е* (изъ 1-ого *і*) частью общеславянское, частью 2 е въ полногласныхъ словахъ, частью *е* изъ *і* : а) въ глаг. ^{а^е}_а: *по^{а^е}стерігати*, *по^{а^е}берігати* (но *спережати*); б) въ *уа*, *юа*: *од^{а^е}бріхуватись* (брехати), *ви^{а^е}пліскувати* (плескати), *ви^{а^е}тісувати* (тесати), *за^{а^е}чісувати* (чесати), но *закле^{а^е}нувати*, *ви^{а^е}мелювати*, *застелювати*, *відшептувати*; *підперізувати* (перезати), но *ви^{а^е}періжувати*; *ви^{а^е}вірчувати* (вертіти), *ви^{а^е}щірблювати* (щербити) *од^{а^е}хрішуватись* (хрестити), *ви^{а^е}віршувати* (вершити), но *до^{а^е}держувати*, *перетерплювати*.

3) Возвращаясь къ отношеніямъ звуковъ *з—зи, в—и, е—и, ѣ—и, о—а*, постараюсь показать разницу, какъ мнѣ кажется, существенную, между моимъ взглядомъ и взглядами предшествовавшими. Суть въ томъ, что въ разсматриваемыхъ случаяхъ *зи, и, ѣ, а* суть усиленія совершенно тождественныя по своему значенію въ словообразованіи, почему въ общемъ и должны быть разсматриваемы, какъ принадлежащія къ одному и тому же наслоенію языка. Они должны быть строго отличаемы отъ тѣхъ усиленій болѣе древняго слоя, которыя или неясны относительно значенія, или образуютъ, за немногими исключеніями, глаголы причинные и фактивныя. Между этими двумя родами усиленія гораздо большая разница, чѣмъ между гуною и вридги, ибо и гуна и вридги предполагаютъ въ языкѣ одинъ и тотъ же комплектъ гласныхъ, одну и ту же привычку языка ставить усиливающую гласную *а* в. *а* спереди усиляемой. Между тѣмъ усиленія 1-го рода въ Слов. языкѣ, къ коимъ относятся случаи соответствующіе какъ гуиѣ, такъ и вридги, предполагаютъ общеарійскій составъ гласныхъ, а 2-го рода—составъ специально славянскій, съ *з, в, е, а*, и по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ случаяхъ, съ *о*, при чемъ само это усиленіе состоитъ отнюдь не въ *прекозичи а* или *а*. Обыкновенно на это смотрятъ иначе.

У Шлейхера (Formenl. 76—7) *зи* занимаетъ второе мѣсто ряда *з, зи, у, ов, ав* и вовсе не есть усиленіе, а лишь замѣна основнаго *у*: *дыхати, сыпати, тѣкати, по-зы-вати* (sic, а не *по зыв-ати*) относительно *зи* стоятъ у него на одной ступени съ *быти*. Раздѣленіе *по-зы-вати* показываетъ, что Шлейхеръ видѣлъ корень этого слова отнюдь не въ *зв-а ти*, а въ болѣе древнемъ *гу* в. *зу*. Какъ понимаетъ это дѣло Гейтлеръ, видно изъ слѣдующаго: «*зи* слѣдуетъ иногда принимать за ослабленіе *оу*, при чемъ нельзя опредѣлять, по какому закону... Ср. *оусоушити—оусыхати*...» (§ 59, 2). «Дославянское краткое *ѣ* можетъ удлиняться въ *ау* и *ѣу*. *быти* возникло изъ *būti*, Лит. *būti*, отъ корня *бѣ*, по краткое *ѣ* (=ъ) нигдѣ до насъ не дошло; *сѣвѣмъ ве*

вздыхнѣти, вздыхати, а však nelze již s jistotou určiti, je li toto *ы* původně *й*, či *ау*, то и другое возможно. Вѣрно только то: *ы* и *оу* суть рѣшительно гласныя болѣе полновѣсныя, чѣмъ *з*; они являются исключительно въ формахъ болѣе интенсивныхъ по значенію; *з* усиляется въ *оу*... *схнѣти*—*соушати*... *з* усиляется (*se stupňuje*) въ *ы*; сюда же принадлежать случаи въ коихъ *оу* *ослабѣло* въ *ы*... *вздыхнѣти*—*вздыхати*, *рѣти*—*рыждѣ*.. *слати*—*сылати*» (Fon. § 91). Я въ этомъ немогу выйти на чистую воду. Однако довольно ясно сказано, что *ы* въ *вздыхати* можетъ быть первоначально или долгимъ *у*, или *ау*, чему мы противопоставимъ свое мнѣніе: усиленіе *ы* имѣетъ отношеніе только къ неусиленной формѣ съ *з*, и никакого отношенія къ тому звуку, который предполагается этимъ *з*, такъ что говоря объ усиленіи *гнѣти* и *мыкати*, мы должны имѣть въ виду только формы *гб*-, *мк*-, при чемъ совершенно безразлично то обстоятельство, что въ первомъ первоначальная коренная гласная есть *у*, а во второмъ *а*.

По Шлейхеру выходить, что «*ь* (гласная порядка и «*ein i-laut.*») есть ослабленіе основнаго *й*, а *и*, *ь* — усиленія этого ослабленія, напр. *рыи*, *прорицати*, *нарьковати*» (Formenl. 68—9). Считая отъ *ь*, и въ *заплитати* будетъ 1-е усиленіе, а *заплѣтати* 2-е, не смотря на то что *заплѣтати* поставлено въ одномъ ряду съ *сѣсти*. Въ Formenl. 72 и Comp. § 81 *процвѣтати*, *поминати* признаны формами заключающими въ себѣ основное и т. е. отнюдь не усиленными, имѣющими съ одной стороны ослабленіе въ *мынѣти*, *цвѣтъ*, а съ другой—единственное усиленіе въ *мынѣти*, *цвѣтъ*. Между тѣмъ для насъ *поминати*, *процвѣтати* суть усиленія совершенно равныя съ *заплитати* и *заплѣтати*.

Мнѣніе Гейтлера: «*ь* возникшее изъ *й* ослабилось въ *и* .. *мынѣти*—*поминѣти* (кор. *ман*). Въ слѣдующихъ случаяхъ *ь* возникло посредствомъ усиленія краткаго *е* (=а), потомъ ослабилось въ *и*: *избирати* отъ беру, *набирѣкъ* (въ Чеш. еще *raběrek*); въ *запинати*,

зипирати (нѣрж, кор. пер), *отирати* (терж—тер), *попирати* (нѣрж—нер) мы предполагаемъ переходную ступень съ ѣ; она сохранилась въ *дѣрж*, *дыра*, *раздирати*, *грети*—*погрѣбати*—*погрибати*, *решти*—*нарѣцати*—*нарицати*, *плести*—*оплѣтати*—*оплитати*, *тешти*—*тѣцати*—*тыцати*. Ср. далѣе: *быда*—*обида*, *вѣсити*—*висѣти*... *отрѣяти*—*отриѣжати*» (Fon. § 78, 1). «Посредствомъ ослабленія ѣ въ и: *мынѣжати*—*мизати* (nutare, Лит. mēgoti, dormire); однакоже и (i) могло также возникнуть изъ ѣ (ī); безъ сомнѣнія и возникло изъ ī (i, а не изъ ai=ѣ) въ *чѣтѣжати*—*читати*... и можетъ быть также=i вѣ *лѣнѣжати*—*прилипати*, *свѣнѣжати*—*считати*...» (ib. § 93). По моему же мнѣнію: *поминати* неимѣетъ никакого отношенія къ *мынѣжати* и возникло изъ *мынѣжати*; *бира* возникло не изъ *бер*, а изъ *бѣрѣати*; точно также и *пина*, *пира*, *тира* изъ *пѣн*, *пѣр*, *тѣр*, а не изъ *пен* и пр.; *бира* отнюдь не предполагаетъ формы съ ѣ: *бѣр*; Поль. iе въ *zabiegać*, *umiegać* (и iе въ нѣкоторыхъ другихъ нарѣчіяхъ), напротивъ, предполагаетъ i: *umiegać*. Мое мнѣніе объ отношеніи формъ *погрѣбати* и *погрибати* было высказано выше. Я считалъ до сихъ поръ достаточно прочнымъ, что *обида*, *обидѣти* относится къ *видѣти*, какъ *завидѣти* и *завидовать*, а отнюдь не къ *бѣда*; такъ и теперь думаю. *) Считать въ *висѣти* и за ослабленіе того ѣ, что въ *вѣсити*, значитъ понимать дѣло на выворотъ: *вѣсити* есть причинный глаголъ при *висѣти*. Въ *миза*,

*) Несмотря на возраженія акад. Грота (Филол. разыск. 455): еслибъ *обидѣти* изъ *обѣ* и *видѣти*, то а) почему бы было причастіе *обиженъ*, а не *обидѣнъ*, какъ *видѣнъ*? Отвѣтъ ib 559: потому же, почему отъ *вертѣти*, *вертишь*—*верченъ*; б) почему бы было *обижать*, а не *обидати*? Но отъ *завидѣти* (invidere) тоже не *завидати*, а *завидовать*. *Обижати* отъ *обиди*- (1-я тем.), какъ *рождати* отъ *роди*-. Лит. *abyda*—*abyditi* заимствованы изъ русск. Быть можетъ тоже и Норвежское *obyde*. Серб. *обиједити* и по ударенію равно не русскому *обидѣти*, а русскому *обидѣти*.

липа-, *чита-* и изъ *ѣ*: *мы*, *читъ*, *льн*. Читатель можетъ возразить мнѣ, что вѣдь я непривожу никакихъ доказательствъ того, что напр. *поминати* изъ *помыньти*; но мои доказательства—въ смыслѣ словъ: значеніе *поминати* объясняется изъ *помыньти*, а отнюдь не изъ *мыньти* и т. д. Дѣло въ томъ, смѣшиваю ли я разнородныя формы или точно, какъ мнѣ кажется, группирую лишь однородныя?

Шлейхеръ, поставивши въ три слѣдующіе другъ за другомъ ряда формы, какъ *тешти*, *точити*, *истачати*, изъ коихъ въ первой *е* есть замѣна основнаго *а*, а во 2-й и 3-й *о* и *а*—усиленія, говорить: «Славянскій языкъ, благодаря своему *а*, еще болѣе полноувѣсному чѣмъ *о*, получаетъ новую степень усиленія, именно вридли отъ *ѣ*, между тѣмъ какъ въ другихъ языкахъ *ѣ* основное можетъ быть усилено только одинъ разъ» (Forgeml. 66). Стало быть *а* въ *тачати* есть вторая степень усиленія, что высказано и въ Comp. § 80: «*а*=*ѣ* явственно оказывается вторымъ усиленіемъ, т. е. усиленіемъ *о*, которое само есть усиленіе (*тек*, *ток*, *так*). Точно такъ отъ *и* въ *пити* 1-е усиленіе есть *ој* (*поити*), а второе *ај* (*напачати*), (Comp. § 81; Geitl. Fon. § 93). Но если *истачати* и *напачати* суть вторыя усиленія, то *зи*, *и*, *н* въ совершенно равныхъ имъ формахъ *надымати*, *начинати*, *измѣтати* суть тоже 2-ья усиленія. Это однако же невозможно, потому что формы предполагаемыя 3 мя послѣдними, именно формы *дым-ж*, *чын-ж*, *метж*, не суть усиленія. Какимъ же образомъ *истачати*, *напачати* могутъ быть вторыми усиленіями?

Такое противорѣчіе произошло отъ того, что изслѣдователи считали здѣсь степени усиленія съ своей личной, произвольной точки зрѣнія, а не съ точки зрѣнія самого языка. Для послѣдняго усиленія древнѣйшія и новѣйшія несоставляютъ одного ряда (continuum). Производя глаголы болѣе длительные, языкъ принималъ за исходную точку глаголы 1 й степени длительности (конкретно-длительные), совершенно отвлекаясь при этомъ отъ того, что эти послѣдніе весьма различны по дру-

гимъ формальнымъ значеніямъ и времени происхожденія. По отношенію къ глаголамъ второй степени длительности всѣ глаголы имъ предшествующіе принимаютъ за равно первообразные, то есть *тешти*, *питы* суть глаголы одностепенные съ *точити*, *поити*, хотя 1-ые суть глаголы простые, а вторые причинные. Новая категория большей длительности не стираетъ этихъ различій, а лишь покрываетъ ихъ собою, придавая имъ одинъ общій оттѣнокъ: отъ *теж* болѣе длит. глаг. будетъ *тъкати*, *тицати*; отъ *точж* — *тачати*, при чемъ *тъкати* по степени усиленія и степени длительности = *тачати*. Четырехъ формъ: *тешти*, *точити*, *тачати*, *тъкати*, или четырехъ формъ: *питы*, *поити*, *напачати*, *испивати* невозможно построить въ одинъ такой рядъ, въ которомъ всякій послѣдующій членъ предполагалъ бы предъидущій. Четыре эти формы распадаются на 3 ряда: а) *тешти*, *питы* — *точити*, *поити*; б) *тешти*, *питы* — *тицати*, *пивати*; в) *точити*, *поити* — *тачати*, *пачати*.

Есть лишь нѣсколько уже упомянутыхъ выше случаевъ, въ коихъ *а*, по отношенію къ *о*, дѣйствительно съ точки зрѣнія самого языка есть второе усиленіе, именно *тѣ* (*важдити*), коихъ ближайшіе первообразные (*водити*) означаютъ уже вторую степень длительности по отношенію къ своимъ первообразнымъ (*вести*). Здѣсь три формы дѣйствительно составляютъ одинъ послѣдовательный рядъ, коего члены относительно значенія различаются только степенью длительности. Языкъ, пользуясь здѣсь древнимъ способомъ усиленія (*нести* — *носити*) для категоріи большей длительности, не нуждается въ новомъ способѣ усиленія: отъ *вести*, *нести*, *брести* и пр. нѣтъ такихъ усиленій, каково *тъкати* отъ *тешти*.

Такимъ образомъ прямлинейная правильность языка здѣсь нарушается тѣмъ, что усиленіе *а* лишь отчасти равносильно съ *ж*, *и*, *ь* и вмѣстѣ съ ними есть усиленіе первой степени, отчасти же есть усиленіе 2-й.

Положеніе, что усиленіе *з* въ *ж*, *ь* въ *и*, *е* въ *ь*, *о* въ *а* составляютъ особенность Славянскаго языка, хотя въ главномъ вѣрно, но должно быть до нѣкоторой степе-

ни ограничено, именно указаніемъ на явленія, отчасти соответствующія этимъ усиленіямъ въ Литовскомъ. Вообще говоря, Литовскій языкъ стоитъ на той степени, на которой Слав. въ *водити*, именно въ Лит., по правилу, образованіе глаголовъ болѣе длительныхъ сопровождается тѣми же усиленіями = гунѣ, что и образованіе причинныхъ: *lekiu lėkti*, летѣть (*e* = осн. *ā*), болѣе длительный *lakioti*, порхать, причин. *lakinti*, заставлять летать (*a* = Слав. усил. *o*); въ Латыш. *lėkt*, прыгать, болѣе длит. (*iter.*) *lakstīt*, прыгать, порхать; при основномъ *i*, какъ въ *riszti*, Латыш. *rist*, вязать, Лит. *gyventi*, жить, Лат. *dzīst* *dzīt*, заживать о ранѣ, — болѣе длит. Лит. *raisyti*, вязать, Лат. *raisīt*, причинный Лит. *gaiwinti*, жить (*ai* = Слав. *ь* изъ *i*); при основ. *u* (*bugstu, bugti*, пугаться, *kupti* складывать въ купу) — болѣе длительный *kaupinti id*, прич. *bauginti*, пугать (Лат. *baudīt*?). Сходство глаголовъ болѣе длительныхъ и причинныхъ, составляющее въ Слав. языкѣ исключеніе, здѣсь — правило, почти не встрѣчающее исключеній. Измѣненія гласныхъ, наиболѣе подходящія къ Слав. усиленіямъ втораго рода, въ Лит. распространяются не на всѣ формы составляющія спряженіе, а приурочены къ одному времени, прошедшему. Литовско-Латышское прошедшее простое отличается отъ настоящаго не формою личныхъ окончаній, а частью только характеромъ, равнымъ основному *aja* (ср. Слав. переходящее съ *na*), или сложному съ этимъ послѣднимъ, частью же вмѣстѣ съ этимъ — видоизмѣненіемъ гласной относительнаго корня. Это похоже на то, какъ если бы прошедшее въ Слав. отъ *мести*, метѣ, было не *метохъ* или *метѣяхъ*, а *мѣтаѣж*. Но такой глаголъ, какъ послѣдній, въ Слав. требуетъ во всѣхъ формахъ усиленія гласной (*мѣтаѣж*), или ея качественной неизмѣнности при вѣроятномъ удлинненіи; въ Литовскомъ же усиленіе гласной въ прошедшемъ является лишь въ нѣкоторыхъ разрядахъ, между тѣмъ какъ въ другихъ видимъ ея ослабленіе. Это обстоятельство слѣдуетъ положить на вѣсъ, сравнивая Слав. усиленія *ь*, *a*, *и*, *ы* съ измѣненіями гласной въ Лит. прошедшемъ.

Литовское *ė*, которое может соответствовать Славянскому *ъ* изъ *е* (въ отличие отъ Лит. *ai* = Слав. *ѣ* изъ *и*), неиграетъ почти никакой роли при образованіи глаг. болѣе длительныхъ. Лит. *mėtau*, *mėlyti* (что, пере-веденное на славянскіе звуки, было бы *мѣтаю*, *мѣтѣю*), болѣе длит. (iterat.) при = *metù*, *mest* (бросать), относительно своего *ė* представляетъ случай въ Литов. весьма рѣдкій (Schl. Lit. Gr. § 67). Но это *ė* часто пѣвляется изъ *е* лишь въ прошедшемъ (Schl. Gr. § 115) кл. IV. В. б. 1, *) Латыш. *ē* и *ē*, Biel. Lett. Spr. I, 369—70, № 194 сл.) напр. Литов. *periu*, *pėriau*, неопред. *pėrti*, мыть, прѣть, парить въиномъ или вміотъ пивъ неопредѣленномъ, напр. *lekiau*, *lėkiaù*, *lėkti*, летѣть (Schl. ib. § 115, IV В. б. 2).

Лит. *o* тоже чрезвычайно рѣдко встрѣчается во всѣхъ формахъ глагола болѣе длительного (напр. *pozscizioti*), но какъ усиленіе *a* оно стоитъ тамъ же, гдѣ *ė* изъ *е*: *kariu*, прошед. *koriau*, неопред. *karti*, Латыш. *kariu* прошед. *kāru*, неопред. *kartu*, вѣнать; Литов. *vāgiu*, *vogiaù*, *vogti*, красть (Schl. ib.).

Славянскому *ь* въ *мнѣж* и пр. соответствуетъ Лит. *ĩ*; Славянскому *и* въ *минати* (изъ *и*) Лит. *ũ* (*ĩ*) только въ прошедшемъ (*minu*, прошед. *miniau*, *mini*, мыть, топтать, Schl. § 111, кл. 1. в. 2; *gĩriu*, *gũriaù*, *girti*, хвалить, Schl. § 115 кл. IV В. б. 4). Въ Латыш. это удлинненіе въ прошедшемъ почти не замѣтно: Biel. Lett. Spr. 344.

Аналогично съ этимъ удлинненіемъ короткаго *и* въ прошедшемъ: *dũriu*, *dũriaù*, *dũrti*, колоть, *dumjũ*, *dũmiaù*, *dũmti* заносить пескомъ? До некоторой степени, и т. е. кромѣ постыотации, это сходно съ *ы* въ *дымати*.

Въ Латышскомъ при образованіи глаголовъ болѣе длительныхъ (iterativa, frequentativa) на *а^a* замѣчается

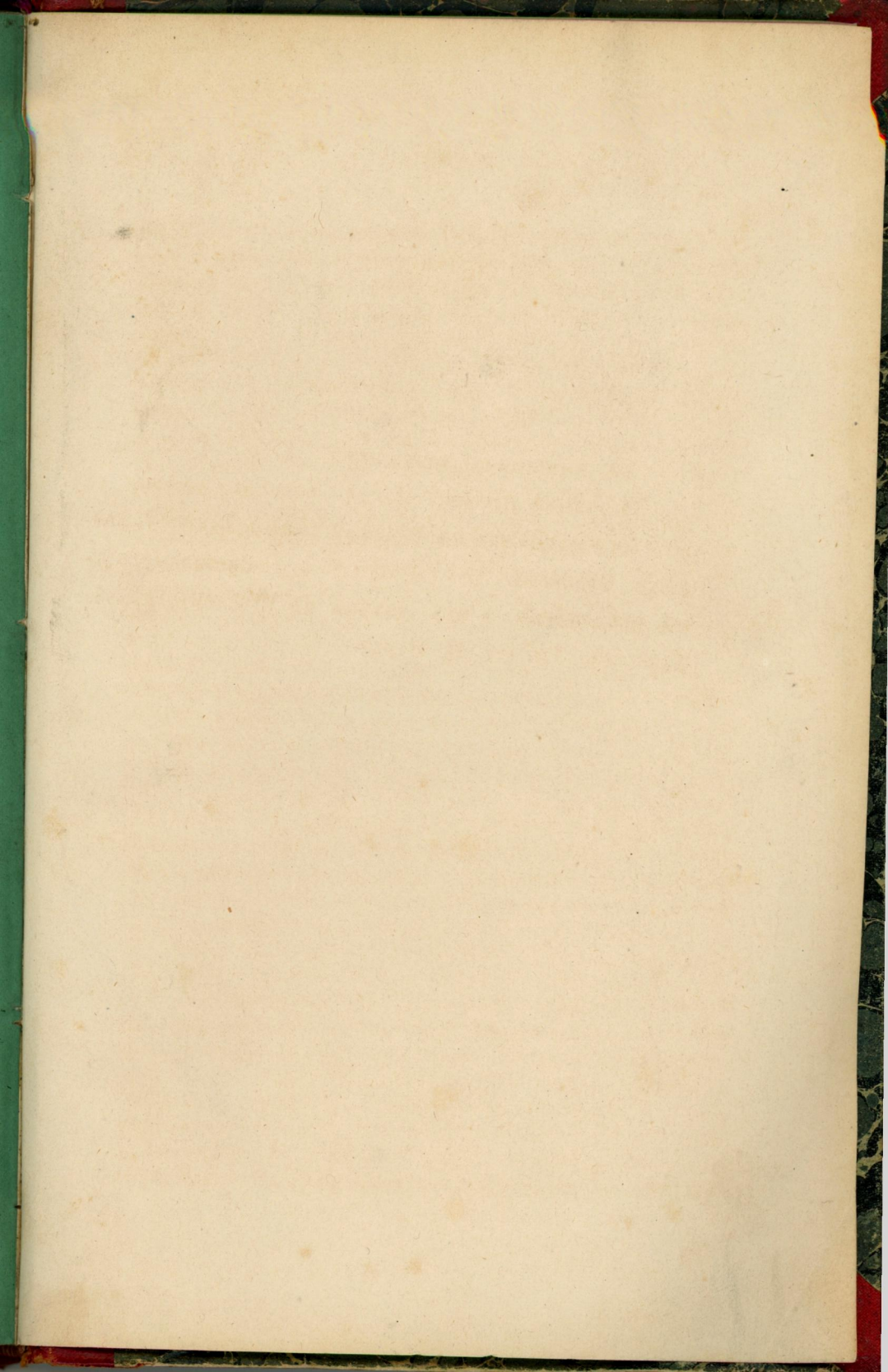
*) Сюда же отъ корня *jam* Лит. *ĩmũ*, прошед. *ĩmiaù*, неопред. *ĩmti*, въ коемъ формѣ усиленія *ė* въ прошед. быть можетъ соответствуетъ въ Слав. удержаніе основнаго *ja* = *не* въ *землѣж*, *имати* при *имѣж*.

троякій способъ обращенія съ коренною гласною: а) или она также что въ первообразномъ глаголь: *nessat*=Лит *neszioti*, при *nest*; б) или гласная усилена тѣмъ же способомъ, какъ при образованіи причинныхъ глаголовъ одинаково съ Литовскимъ, т. е. *ai* изъ *i*, *ai* изъ *u*, а) если основная гласная такова, а если основная *a* (*walkát*, *braddát*, *lōdat* изъ *landát*, *lūkat* изъ *laukát*), в) или, наконецъ (что можно сравнить со Слав. усиленіемъ 2 го рода), появляется особое произношеніе долгой гласной, которое Биленштейнъ обозначаетъ чрезъ надстрочное *ˆ*. Это произношеніе (*der gedehnte ton*) по видимому состоитъ въ тонической равнеличности элементовъ долгого звука и противоплагается такому произношенію (*der gestossene ton*), при коемъ удареніе падаетъ на первый элементъ: *lēkat* прыгать при *lékt*, *mēlat* при *mést*, *līnat* при *lit*, ити о дождѣ, *plūkat*, *zau-sen*, при *plūkt*. Иногда *der gestossene ton* надъ долгою есть усиленіе короткой: *dírat* при *dirt*, драть кожу (*Biel. Lett. Spr. 386 слѣд.*).

Въ книжномъ магазинѣ И. С. Геевскаго
въ Харьковѣ продается соч. того же автора

Изъ записокъ по Русской грамматикѣ: I Вве-
деніе. Воронежъ, 1874 г. Ц. 1 р. II Составные чле-
ны предложенія и ихъ замѣны въ Русскомъ языкѣ.
Харьковъ, 1874 г. Ц. 3 руб

K.C. - 2354

орбха. 19.

кфелура 20

орб. 21

орб. 22

орб. 22

некози 20

номери 20

(13)

1✓